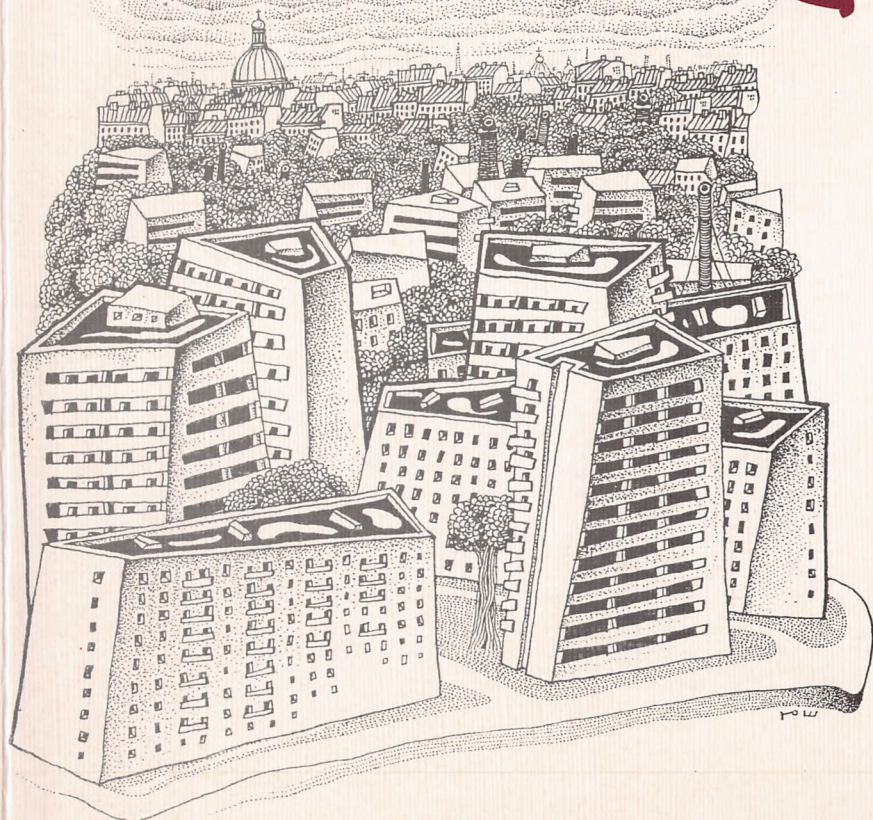

МАРИЯ КАМЕНКОВИЧ ДОМ ТИШИНЫ

МАРИЯ КАМЕНКОВИЧ

ДОМ ТИШИНЫ

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

КОЛЛЕКЦИЯ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

МАРИЯ КАМЕНКОВИЧ

ДОМ ТИШИНЫ

Санкт-Петербург
2003

УДК 882-1
ББК Ш6(2=Р)7-65я44
К18

*В оформлении использована графика
Ю. Штапакова*

Каменкович Мария

К18 Дом тишины. — СПб.: Алетейя, 2003. — 160 с. —
(Серия «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы».)
ISBN 5-89329-555-2

Мария Каменкович родилась в 1962 г. в Петербурге. Закончила 470 математическую школу. Училась в литературном объединении В. А. Сосноры, которое располагалось в Доме культуры им. Цюрупы, что на Обводном канале. Второе место учебы — семинар по семиодинамике Р. Г. Баранцева. Закончила Университет в звании старшего лейтенанта запаса по математической лингвистике. Работала в оккупированном инженерами Михайловском Замке. Уволилась оттуда в годовщину смерти Павла I. Потом учила детей английскому языку в клубе табачной фабрики им. Урицкого, что на Васильевском острове. Кроме переводов книг Дж. Р. Р. Толкина и комментариев к ним, опубликовала две книги стихов, «Река Смородина» и «Михайловский Замок». «Река Смородина» вошла в «шорт-лист» премии «Северная Пальмира» в 1998 году.

ISBN 5-89329-555-2

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2003
© М. Каменкович, 2003

Открыты ли двери в ризнице,
Где скапливаются века?
Покоясь в божественной жизни,
Над миром стоят облака.

Мне этого хватит, узнице,
Мне больше не задают.
И плавится солнце в кузне,
Где впрок времена куют.

май 2002

*...Благообразный Иосиф с древа
снем пречистое Тело Твое...*

(Стихира Великой Субботы)

Я — слово (с маленькой буквы), пылающее в Бытии.
Я — одна (а теперь — с большой) из несметных Его слуг.
Я зажигаю свою свечу на литии
И обращаюсь в слух.

Я жила на башне
до самого рубежа веков.
Баснословный город лежал вдали
и звёзды съедал.
Многоячеистый Вавилон
не дотягивался до моих черновиков,
Я смотрела поверх,
как поверх лабиринта смотрел Дедал.

Там, внизу, на стене непуганого НИИ,
Был нарисован гигантский Адам
с красной молнией в руке.
Он всегда меня вдохновлял. Не такой уж это был и наив!
Лучше молния в небе, чем болото невдалеке.

Вавилон необъятен, он — космос, он — океан,
А не просто пелевинские угодья
и в словаре строка.
И куда ни посмотришь с башни —
собирается ураган,
А уйти в Харран — наверху должна быть Рука.

Я зажигаю свою свечу
и за Благообразным вслед,
За двойником Прекрасного,
состарившегося,
бреду.
И роняет молнию Ветхий Адам,
утратившую свет,
И внезапно видит,
что он — уже не в аду.

Великая Суббота 2000

* * *

Допрашивая ветку Палестины,
Майор, не полагайся на свои
Испытанные методы: пустыни
Сотрут и след арбы, и след змеи.

Не изучив брошюры: «Воскрешенье
Умерших. Для тюремного врача», —
Не принимай поспешного решения,
Как фарисеи те, что сгоряча

И Лазаря воскресшего решили,
Усовестив, вернуть обратно в гроб...
Лишь при одном условии твой плешивый,
Наука, я венчать согласна лоб:

Не тычь в глаза мне метод углеродный,
Как лампочку безмозглую в сто ватт...

*

Сыны рабы ловчей сынов свободной.

*

Но зелен, зелен, зелен виноград.

1997

ИЗ
РАННИХ
СТИХОВ

* * *

Я — очевидец своих восемнадцати лет.
То есть — почти очевидец своих лопаток.
Прочим — за это время распрь и распадов
Уцепиться — приспособлений нет.

Здесь — от вещей мохнат и невидим толпе —
Мир оживает с каждым сцеженным часом!
Дунешь на мысль — сполох на потолке:
Словно качнулось гигантское блюдо с чаем.

Мост из-под губы сплёвывает слова.
Те, выплывая льдом, становятся зримы.
Как вода в ледостав, болит голова,
Пробуя угол рифмы.

Судно, качнувшись, черпает через борт
Ледяную кашу; поздно — канат отпущен.
И, ощерив рот, Казанский собор
Перед тем, как встать, оперся на площадь:

В городе до зари каждая дрянь зорка,
Прежде чем в роль войти — и омертветь...
— Но бодро
Я принимаю дар: зрячею — до звонка —
Зябнуть в наглухо запертом утре Бога!

ноябрь 80

* * *

Марине Цветаевой

Такому горю не помочь.
Утешных слов никто не скажет.
Несчастья кухонная ночь,
Большие облака на страже

Погасших, как закат, времён
Моей любви неспасённой,
Вернуть трёхмерность неспособной
Застывшим росчеркам имён

На том стекле иновременья,
Что лепит Хронос-стеклодув
По круглой нише на мгновенье,
И по бессилью на звезду:

Пластайся, бейся, поднимаясь
И бесконечно преломляясь
В стекле — припав к нему лицом —
Сам — для грядущих — мертвецом!

Мы — в разных уровнях, любовь.
В Ледовом этом прочном доме —
На разных этажах, и кровь
Ничья не выжжет пола, кроме...

Но мне не выглянуть за жизнь,
И я уж верно не забуду,
Что в ТОЙ земле, где ТЫ лежишь,
Я — никогда лежать не буду.

Молитву разве что — в обход
Твоих неверий и незнаний...
...И собственных? — Который год,
Который человек, терзаясь,

На кухне, ночью, «ради той —
Костей!», долбит глухие своды
Преграды? — и, в тоске пустой,
У тайны принимает роды?..

1980

Из цикла
«РЕКВИЕМ ПО НЕ ТО ЧТОБЫ ДРУГУ»

А. К.

* * *

Беспамятствует дождь
Расползшегося года...
Приходи в мой пустой дом
Горевать горе.

Выпьем красного, поговорим,
Прикорнём не разувшись...
До рассвета повиснет дым
В наших комнатах душных.

Стол — в стеарине, в крошках ножи,
Бурая накипь утра.
Ах, моя любимая жизнь,
Что рассветаешь утло,

В буром небе чужой челнок
Тревоги и скуки?
Приходи в безвестную ночь
Просто погреть руки

Чашкой чаю, — а упрекать
Некого за беспечность
Жизни, выданной напрокат
Единожды в вечность, —

(Ах, моя заветная трель,
Что вибрируешь мелко?) —
Жизни, выданной наотрез,
Захламлённой земельки:

Разменивать да менять,
Крестик делить на нолик...
А над ней — ущипни меня —
Облако-чей-то-облик...

1981

Балада о Верхнем Свете

Мы бедно с душою жили
И голос был верхний свет
«Не лстись на души чужие
Тебе до них дела нет».

Но в синий декабрьский вечер
Трёх первых его декад
Я честно пытала встречи
Мой дух был чужому рад

Два брата моих, два друга...
За годы слепых начал
Меня наградили — руки
На самом краю плеча,

Ночные — до света — рифмы
(А может быть — два врага?)...
Мы пили белые вина
На Невском мела пурга

Я честно спала с улыбкой
Всходила к ним на порог
Ныряла счастливой рыбкой
В роскошество их даров

И, словно обряд свершая,
Три раза встала Нева,
И я, обет нарушая,
Дала им мои Слова, —

Но как-то в гостях, оставшись
Одна, в тишине — в огне —
Я голос услышала страшный,
Который звучал во мне,

Который входил не в уши,
Не мучая, не грозя:
«Не льстись на чужие души —
Не то, не твоё, нельзя.

Тебе ли менять уклады
Судеб, — не пытайся, прах.
Отныне пойдут разлады,
Предательства, горечь, страх».

И тягостно мне отныне
Меж ними — и как найду
Отвагу — опять в пустыню?! —
Уверовать — не в бреду

Я слышала — без нажима,
Легчайшее, словно свет:
«Не льстись на души чужие,
Тебе до них дела нет».

1981

* * *

Задуманный как кустодия
На гроб, — вонзился, как бемоль
Близ ноты; а не отойди я, —
Уж он наверно был бы мой,

А так — контузило легонько,
Отбросило взрывной волной...
Давно остыли те уголья,
Но память и теперь со мной;

Как выгоревшую глазницу,
С собою я её ношу,
И обгоревшую страницу
Вовеки не перепису,

И буду вздрагивать до века,
Влюблённой памятью храня
Не выжившего человека,
Который выстрелил в меня;

И в кровь проникшую отраву,
И пустоты предсмертный гул,
И ту, последнюю заставу,
Где Бог мне руку протянул.

1981

* * *

Я знаю — позже, в зарослях столетий,
в каком-то времени из параллельных
(в том, уточняю, городе, что снится)
ты и подруга возвратитесь к жизни —
и вместе будете; я даже знаю адрес —
на Малом почему-то, где-то между
Седьмою и Восьмой, к Неве поближе.
И спутница твоя освободится
от зла, ее мятущего, и, туго
косынку повязав, возьмется драить
дубовый пол в передней.

Снег ложится
на старую булыжную дорогу,
и у Шести углов фонарь бессонен,
и Невский извивается, и Мойка
проходит вдоль него... Мне это снилось
не раз, не два, не десять — еженощно,
но ты — единожды, и я не знаю,
чем ты займёшься там и как освоишь
надмирное существованье? Снова
пойдёшь по свету мыкаться, прощаться,
не встретившись, на поиск Человека,
которого искал не там? К знакомым
и недругам заглядывать нечасто
в запутанные сны? ...Я забегаю
вперёд; ещё ты жив, и ты читаешь
сие стихотворенье, и по смыслу
темно оно, ты говоришь, охоты
нет расшифровывать. Как будто тексты жизни
тебе яснее. Или тексты смерти.

1980–1986

* * *

*О, бессмысленные Галаты!..
Удивляюсь, что вы... так
скоро переходите к иному
благовествованию.*

Гал., 3:1, 1:6

*Носите бремена друг друга,
и таким образом исполните
закон.*

Гал., 6:2

Открой Послание к Галатам,
Открыла? — Я сказала: да.
О миг согласия галактик
Пред разлетаньем навсегда!

Не жду, что мы ещё столкнёмся,
Старинный брат, лукавый враг,
И друг для друга разомкнёмся,
И вывесим сожжённый флаг.

Не жду, не чаю иновстречи
За облаками... Но пока
Невразумительные речи
На небе держат облака.

1985

Из книги
«ГРАФИКА»

* * *

Пантеон твой, город, — постыдно мёртв:
Зелены у крыш скульптурные группы.
Отраженья в нашем — иных времён
Грушевидны или же толстогубы.

По асфальтам не громыхает Конь
И в домах напротив не бьёт посуды.
Безголовыми мурашами товарняков
Из тумана в туман разыгрываются судьбы.

Факел башни моей, — острее свети!
Не мигай, — кому сигналить «на помощь»?
По углам затихли речи витий, —
Только хрустко потягивается полночь.

декабрь 1980

Странник

*...Однажды, странствуя среди
долины дикой,
Незапно был объят я скорбью
великой...*

А. С. Пушкин

В ночь из дома — куда
Без монет, без котомок,
В потайное потёмок,
Без следа,

Ни огня нигде,
Сзади лишь — из-под двери...
На исходе людей
Небеса помертвели.

Но куда бы? — Бог весть!
Обернись неохотно:
На исходе любвей
Запад сер безысходно.

Душу свою без мышц
влеку — или влекома —
по обочинам тьмы...
Далеко ли?

...крадучись в край без утр,
Неверный, до-смертный...

...Назад: не зовут
И впереди: — не светят...

1980

Духов день

п о э м а

*Лене Фоминой,
впоследствии Хане Беловой*

...Мы ждём Учителя...

Я, 1977

Пролог

Окна в окна уставлен купол.
Тяжело и недвижно реет
Над собравшимися купно
Именованное время:
И не шар оно, и не лента —
Тварь перната. Влетает греться...

.....
...Духов День, и драконий гребень
Вот надвинувшегося лета.

Вылупились грехи у паствы.
Вылупился пух тополиный.
Каждый, кайся: до новой Пасхи
На коленях — твоя молитва.

Иль не скапливается придурь
В ямках из-под стихов и знаков?
Тьма под свечкой, и тень под притолокой —
Вещь уродливая и злая.

Ей, бунтуя, бунтарь послушен.
Он бы крикнул — да крик беззвучен.
Вылупился страх несказуем:
Кажимости да не послужим —

(Ибо стягивается одурь
К лункам выломанных наказов!)
— Ни сведённым своим свободам.
— Ни осклизлым своим аскезам:

С этих дней, не смыкая окон,
Крест на крест уставляя прямо —
Смертной хваткой, священным током
Замыкается купол храма.

1. Квартирантка

*...Укрывши ноги толстым пальто,
Не пейте на ночь теплую водку.*

Д. Закс (однажды эти строки
видели на обоях чьей-то квартиры)

Прошу: не начинайте снова
И старых сплетен не тасуйте.
Она давно стихов не пишет
И не моргая смотрит в ночь.

Ах, ни художественное слово,
Ни детские её рисунки,
Ни купленная наспех пища
Ничем не могут ей помочь.

Косноязычным быть не просто.
Чугун колеблется в бутылках,
И натюрморт ночного пира
Колышет свечка-истукан.

В чумазных сумерках — вопросы
Молчат, как пальцы ног в ботинках.
Ответы подливают пива
В разопостылевший стакан.

Хозяйка выцветшей квартиры
На стенках пишет изречения

И суп гороховый варганит
Из липких корок и сардин.

Рутины мутные картинки,
Давно лишённые значенья...
А квартирантка не моргает,
И фильтр в блюдечке смердит.

Июнь! Ты — постник или праздник?
Ты пеплом голову посыпал,
Сегодня твой спектакль знатен,
И слёзен траур шутовской,

Но ты притворяешься, проказник, —
Она же ловит ненасытно
Твои слова из светопятен —
И в горстку кашляет тоской:

Пыльцой больного никотина,
Крупой рифмованного слова —
И пепел — в банку от сардин...

Ни добродетели картиной,
Ни одухотворенным слогом —
Ничем ее не рассердим

И тайный страх не успокоим.
Ничем беды не облегчить, —
Сегодня люди, завтра — маски.

*

Никто не ведает развязки.

*

И нет противоядья, коим
Чумные сумерки лечить!!

2. Троица

Июнь бестолковец безумец
Его тополя распухают
Альковы его безобразно
Ночами освещены;

Приплясывает, кружится, —
И пух взметает полою
Подержанного кафтана,
И вроде не строит зла,

Зато не творит и блага.
И сморщивается бумага.

*

...А листвие слиплось в кроны,
А кроны — не что иное,
Как точные негативы
Апостольского огня,

И чёрный служитель храма
В горящих огненных ризах
Зовёт смятенную паству
Припомнить Великий Пост.

Берёзовые ветви
В ночи чадят факелами,
И молится мир в соборе,
О чём не умеет ум:

Пока зависли зарницы,
Покуда грозницы ночи
Оранжевые и смотрят,
И видят из темноты, —

Пока на полки рассудка
Ведёт несметное войско,

Трубя в шутовскую дудку,
Горюн, горыныч, июнь, —

И сам, впереди парада,
Багровой полрой кафтана
Взметая подземный пух...

...И голос его картавый
Похабщиной ранит слух.

А пух — берут на ладони
И в спичечные коробки
Рассаживают любовно,
На паперти находя,

И, жалебсь, чтобы дождик,
Растроганные и робко
В зелёных своих одеждах
Спускаются погода
В метро.

Или пьют за двух
Железистую газировку.

*

И падает чёрный пух.

3

Покуда июнь-безумец
С глазами без бровей,
Невидимый и беззубый,
Клокочет, как соловей,

В глубинах кустов безглазых,
Как будто и сам пернат,
Став горлом для уст негласных,
Которыми движет сад, —

Покуда он, бестолковец,
Зарницами без огня,
Как будто к войне готовясь,
Заманивает меня, —

И присказка сказки пуще,
И подступов к сказке нет,
И все тополя распухли
И спутали тьму и свет, —

Влюблённо, но безутешно,
Пытаясь успеть, пока
Белёвые буквы — спешно
Выписывает рука!..

4. Сказка Квартирантки

«От саклей дым и плов и мёд.
Пурпурны вытянулись тени.
Уж вечер медленный идёт,
И скачет неподвижный Терек.

*

Забыты бранные заботы,
Дневные кончены дела,
И собирается аул
Послушать сказок и событий.

*

Костёр пылает меж камней,
Притихли дети. Аксакалы
Жуют беззубыми губами,

И вечер козье молоко;
Демонстративно встали горы,
Вверху прозрачно и легко,
И прекратились разговоры.

*

Ещё свежа могила сына,
И не отомщено злодейство,
И должен совершиться суд!

И вот, раздумывая сильно,
И подбородок о запястья —
Сидит торжественный Гасуб.

Ведь есть же младший сын, Тазит!
И он убийцу поразит.

*

Все стали как одно большое ухо.
Над всеми вознеслась старуха —
Сказительница; вот у ней
Сухие губы отворились,
И, как река среди камней,
Речь полилась. О старых битвах,
И о сраженьях, и о битвах
Её слова недвижно скачут
И угрожающе гудят, —
И пламя скачет неподвижно
На ложе каменном своём.

*

И вдруг Тазит перебивает:

*

«Старуха! Что это за сказки?
У них сюжет скучней развязки,
Развязка же вгоняет в дрему,
И не бывает по-другому!
Они как утварь или упряжь,
Как щепки на волне, как листья,
Они не помогают мне
Уразуметь моей печали!
От них унынием разит».

«Чего же хочешь ты, Тазит?»
«О, я хотел бы петь, старуха,
О том, что шевелится глухо
Во мне, всю душу всколыхав;
О том, чего на свете нету,
Но что за чистую монету
Мы примем, в песне услышав».
Все возроптали. Но с ухмылкой
Старуха внемлет речи пылкой
И молвит: «Спой нам, ибн-Гасуб!
А я поем покуда суп», —
И придвигает чан с шурпою.
И вот, вознёсшись над толпою,
Тазит заводит свой рассказ.

Рассказ безумца

«Вчера я оседлал и ездил,
И встретил маленького зверя
В горах, на мшистом валуне.
И сердце замерло от страха,
И мокрой сделалась рубаха!
А он резвился при луне
И вроде бабочкой казался,
Но доходил мне до колена.
Я спрятался за ближним камнем
И незаметно наблюдал.
А он приплясывал, топтался, —
А я тайлся, я скрывался! —
И, скручивая страшный хобот,
Пищал: «Я — демон-биоробот,
Я — страж пещер Абу-Симбел,
Я — смерть Гасубова отродья:
Тазит, хватайся за поводья
И удирай, покуда цел!»
Я понял: вот убийца брата!
Но медлил резать супостата,
А он все хвастался да пел, —

И вдруг ко мне поворотился
(А я скрывался, я таился!) —
И подмигнул!.. И я скорей
Оттуда по тропе помчался,
И липкий страх за мною гнался,
Но сгинул у родных дверей».

*

Никто не знал, чего сказать
В противовес безумным фразам,
И все заговорили разом:
«Немедля хама наказать!
Вот это песня! Ни инцеста,
Ни битвы, на худой конец!» —
Таков был общий глас протеста.
А вот что произнёс отец:
«Зовись отныне сын разврата,
Не сын ты боле мне, Тазит:
Ты пощадил убийцу брата,
Ты — чистопробный паразит!»
Тазит кричит в ответ: «Мой опус —
Не быль, невежды вы, а образ,
А образ — это отраженье
Того, что лишь воображенье
В том, что реально, но незримо,
Способно видеть!..»

*

Дух козлийный
От возвращавшегося стада
Мешался с шумом водопада.
Дымок костра туманил дали.
Каймак детишки доедали,
И вечер становился гуще,
И шелест стих в священной роще.
«Тазит, ты мудрствуешь все пуще,
А дело-то гораздо проще, —
Старуха молвит. — Человеку

Не должно ведать, что от веку
С ним рядом, даром что невидим,
Клубится сонм бесов и ведьм;
Что, всунуты один в другом,
Летают демоны кругом;
Не суй свой нос куда не надо —
И песням тоже есть преграда!
Не надо зеркальцем карманным
Подглядывать назло Корану,
Как бесы с бесами пируют,
Как демон демона тузит».

*

И вот, непонят и поруган,
Встал незадачливый Тазит.
Вокруг молчанье водворилось,
А он одежды разорвал,
И пылью волосы посыпал,
И по дороге побежал.
Пейзаж потёк.

Укоротился

Лиловый горный горизонт.
Беглец размахивал руками,
Протискиваясь через холст
И в красной краске увязая.
И вот исчез.
Остались горы,
Остались горы из гуаши,
Окаменевший дальний Терек,
И солнце полузакатившись, —
Всё онемело там и сям.
Гасуб, впечатав подбородок
В свои морщинистые руки,
Не двинул ни единым пальцем
И назиданья не сказал,
И сделался куском картины,
А вслед за ним и остальные.
И гид указкой указал».

5. Дом

Я знаю некий печальный дом,
далёкий дом, — затянулось льдом
былое, — вороны над жнивьём! —
и новый дух завладел жильём.

Вьюном он вьётся на том бугру,
где дом пустует, — и на юру
на все сточетыре ветра
свою славословит веру:

«Кто молод — времени не слуга! —
трубят над кручей его рога, —
не ведай иного чину,
а только свою кручину!»

На белом взгорье потухший дом.
Заря вздувается над бугром —
о, грубая ржа палитры!
и месяц — огнём селитры

горит, и краска не знает мер.
Там ересь цвета — кармин и мел
уродливого грима —
и гулкоголосье гимна:

«Всяк сам себе мера и сам — закон!» —
поёт он варварским языком
под месяцем-ятаганом,
и буйствует ураганом,

деревья скручивая винтом:
то вихрь — дерево, то — фантом:
на тверди цветной и жирной —
как жесты они. Как жилы

земли, обнажившей плоть,
отдавшей за кладом клад, —

помилуй её Господь! —
души, растерявшей кладь,

бездумью бездомных дел
отдавшей за данью дань! —

...Упал бутафорский день.
Дымит, застилая даль...

Младенец! — отдай мой ритм!
Безумец! — покинь мой слог!

Гримёрным огнем горит
и запад мой, и восток,
душа позабыла груз,
и слово не помнит уз
родительских! — и дом
пустует над тем бугром!

6. Эпилог

Я так привязана, — о, забудь! —
к жизни осёдлой!
...Отсюда мой начинается путь,
отсюда:

здесь мы жили — в кругах забот
чертили хорды!
Знали юность свою, — и вот,
уже уходим.

Не испытывали нужды.
Не утруждались.
Троицына огня не жгли —
лишь дожидались.

...Кто бы думал, что этих крох
с лихвою выйдет?

Он отогнут, глухой покров...
...над очевидным!

Прочь, преграда!.. которой нет!
В тайном восторге
искони незакатный свет
...всходит с востока, —

все-таки танцевать чудно
на поле минном...
— только небо — оно одно —
смотрит мимо,

ходит у горизонта...
Пусть!

Скакун осёдлан.
Отсюда мой начинается путь,
отсюда:

В тот простор — или в тот проём —
о т м е с т а п у с т а...

*

И если Учитель ещё придёт,
то слишком поздно!

1983

СТИХИ
ИЗ
РАЗНЫХ
КНИГ

* * *

Ну что же, прощай, я тебя не неволю.
Кто любит прогулки по минному полю?
Тем более — риск для спасенья души.
Все средства для некоторых хороши,

Чтоб старого воздуха детской свободы
Глотнуть, на мгновенье прорвавшись сквозь воды
Забвенного, избранного океана...
Луна над моей головой, как корона,

Дорожка сияет, на волнах маяча,
И в сердце вскрываются кладези плача.
И заново — когтем и солью — по ране:
Душа, мы с тобою владели мирами,

А нынче — лишь миром; зачем мы тревожим
Старинных друзей? Мы помочь им не сможем,
У каждого свой океан и пучина,
И это ещё далеко не причина

Бросаться на ближних, подобно цунами;
И то, что случится, случится не с нами —
Отдельно со мною, отдельно с тобою.
Когда-то брала я, нахрапом и с бою,

Нагорные замки чужих одиночеств —
Делиться солёной водою пророчеств,
Но замки, в ответ на попытку осады,
Окутываются дымком канонады.

О море, и ты обожглось, погорело!
Синицы, лисицы, беритесь за дело —
Бегите, тушите его калачами,
Чтоб не багровели глухими ночами

Над горными замками тяжкие тучи,
Сигналя о чём-то, что нас неминуей,
Сигналя о чём-то, что нас непреложней,
И непререкаемей, и односложней...

Ну что же! Прощай — я с тобою не спорю.
Кто любит прогулки по минному морю?
Стучится к душе, чтоб осталась живою?
— И зыби смыкаются над головою.

1998

Из книги
«ЛЕТО ОТСТУПНИЧЕСТВ»

* * *

*И если Января тесны,
и если не дали ответа...*

1981

Сирень пресна. И дрёма борет.
И спутала все нити — я.
Кругом — глухие переборки
Забвенья и небытия.

Пиши, покуда в недрах мая,
Дощатое исследуй дно,
Пиши, глухая и немая,
Покуда с маем заодно,

Покуда вровень с немотою,
Что к прошлым дням вражду таит, —
И все, что за ее чертою,
Как бы оболгано стоит.

Кто — ты — в цепи из «я»? — Ответствуй!
Тебя как ужас вспомню я,
Когда вернется верный, веский,
Солёный голос бытия.

Так кто же ты? Твой план неведом,
Увёртлив взгляд, невнятен стих.
Кто — я, явившаяся следом
В чертоги Январей моих?

Черны тюльпаны. Травы сорны.
И, страшен, пристален и толст,

Луч обращается дозорный —
Из тяжких туч, за много верст:

То — я ищу тебя отсюда,
Где я покаялась в т в о ё м —
Но луч воззрился мимо сада,
А ты в траве — как водоем:

Лишь отражаешь! — но навстречу —
Навстречу — нет тебя — из мглы...
То — я гряду судом и речью
В твои враждебные углы,

Где ты, колени обнимая,
В дощатой дрёме без дверей,
Нема в плену Глухого Мая
На землях Мёртвых Январей.

1984

* * *

Я не хочу дожидаться, покуда
Во мне поднимет голову Иуда.
Мне бы чуток продержаться — пока
Миром владеют Твои облака.

* *

Я то глупею, то опять мудрею,
То салом заплыву, то — в океан.
Осмелюсь ли принять к себе Марию
Я — хвощ, и зверь, и редко — Иоанн?

И если даже ставни растворили,
А всё во мне не наступило дня...

*

Со мною очень много говорили,
И тени слов ложились на меня.

1984

Из книги
«МУЗА ПЛАЧА»

Муза плача

Ты Муза Плача, Ты — вот кто,
Ты — Муза сиротств и предвестий,
Ты — Муза моей правоты,
Ибо неправ счастливый.

вот отчего ты молчишь
 так изнурительно долго
 и не подаёшь вестей
Ты — муза разбитых мною кувшинов,
оставленных на дороге;
 Ты над вечной струей
 вечно печальна сидишь.

* * *

Со мною облака не говорят
Над куполами долгого молчанья.
А я бы не взялась за этот труд,
Когда бы кроме них я привечала

Кого ни есть... За труд и за обряд
Отдачи сил и кройки и тачанья...

*

Со мною облака не говорят
Над куполами долгого молчанья.

1990

Музе

Не то чтобы ушла, — вестей не подаёшь.
Но время — та же даль: ты не везде живёшь,
Ты не вода, не свет, не разлита в ветрах:
Корпишь в своем саду, — а мне привычной страх

За тех, кому и даль — лишь время для ходьбы,
Кто ставит в ней дома и мастерит гробы,
А если дом сгорит — не спи и холодей:
Уж если разлучён ты с кем-то из людей,

Вас могут разлучить и в будущих веках...
Прости, что не перо — свеча в моих руках:
За лесом, за холмом, там, где блестит вода,
Мы встретимся с тобой — а с ними никогда.

1990

* * *

Куда мне деваться от русского слова «звезда»?
От вырезанного из золотой бумаги?
Я лучше скажу по-английски — star:
Сотня и высота,
И свобода от этой земли и ее тяги.
 «Стар» — это око святой зимы
В косящатом нашем окошке
Вместо наклеенных пряничных звёзд;
 Чистая, дальняя star, или, если угодно, «стаа» —
на другом языке говорящая, и уста
 я смыкаю,
так как белее снега лица во тьме снеговой ночи,
и захочешь сказать, да сам себя оборвешь: «молчи».
Это час, когда сквозь окна в словах течет благодать —
Отодвиньте же слово «звезда», мне за ним звезды не видать.

1989

* * *

Белым, что твой болид,
Светом пронзило плоть.
Может, душа поболит —
И смиростивится Господь?

Без печали и слёз
Молитва — халдейский зык,
Тот же двупястный нос,
Высунутый язык,

Из-под лукавых век
Взгляд, не просвет — заслон...
Но всё же я — человек,
Не пионер с веслом,

Не легион с орлом,
Созданный для побед...
Господи, поделом, —
Лёд и не так болит

К маю, не так и снег,
Тающий вкривь и вкось...
Всё же я — человек,
Всё же — не в горле кость

У весны — а весна
Служит как едкий душ,
Размывающий наст
Благополучных душ:

Так в крещенский мороз
Благополучен снег...
Но, лишь устав от слёз,
Вижу: я — человек.

С тающих ледников
В розную даль и ширь
Льются река с рекой,
Как и мы, прегрешив.

Не касаясь к руке,
Не касаясь рукой...
Так река по реке
Истекает тоской,

Стоит снегам подплыть
В глетчере хоть чуток...
Но умеряет прыть,
С кручи упав, — поток.

Дальше — смирение рек,
Заводи, островки...
И всё же я — человек,
Пьющий от их тоски,

И в человецех, здесь,
Мне её не избыть...

Что ж, — застолбляем дествь,
Иначе — волком выть,

Или сойти с ума,
Дуя на уголёк,
Ибо грядёт зима,
А океан далёк...

*

Первым дождём полит
Снег, и приподнят спуд.
Может, душа поболит —
И снизойдёт Господь

Сам её посетить, —
Тайно, как свет и тень?
Иначе — что святить
В Богоявленский день,

Чем отмывать с души
Насты её корост?
В хартию запиши,
Ангеле, — раз до звёзд,

Раз до надмирных век
Досягает печаль, —
Значит, я — человек
Всё ещё, не печать,

Вмёрзшая в вечный лёд,
Без греха и утрат, —
...Пусть даже та, что Ной
Перстнем вжёт в Арарат,

Выломав дверь на свет,
Первым шагнув вперёд, —
Выйдя на сушу лет
Из безвременья вод...

апрель 1992

Подражание

Брюсову, Ходасевичу и всем остальным, пытавшимся дописать эти неоконченные стихи Пушкина

*Ночь тиха. В лазурном поле
Светит Веспер золотой.
Старый дож плывёт в гондоле
С догарессой молодой.*

*Воздух полн дыханьем лавра.
Дремлют флаги буцентавра.
Море темное молчит.*

.....
Сердце медленней стучит,
Гаснет, как огонь огарка...
На челе Святого Марка
Отсвет кто не различит!

Небо, выдержи ли доле?
Дымка вьётся над водой.
*Старый дож плывёт в гондоле
С догарессой молодой.*

Догарессе всё забава,
Дожу всё вокруг претит:
И любовь ему — отравя,
И почёт — не в аппетит.

Червь болезни тело точит,
Мучит доктор-доброхот,

И заря ему пророчит
К новой жизни переход.

Но, душою умудрённый,
Догарессу он шадит
И на лик её влюблённый
Улыбаячись глядит.

1998

* * *

Вся сгорбленная, старая, сырая,
Лев на клюке как ворон окрылён, —
Венеция, подол не подбирая,
Идёт-бредёт из мира в океан.

И брат её, Петрополь, не в убытке:
Сквозь шпиль в небо впрыскиваем он,
Пока ему фабричные ублюдки
Заламывают руки с двух сторон.

18 ноября 2001

* * *

Камень тоже может в глазах поплыть,
А вода — на луну завуть.
Нет, Венеции просто не может быть,
Да и Рима не может быть.

Колизея, где нас вели на убой,
И который не грех бы скрыть...
Да, если по чести, и нас с тобой
Тожe не может быть.

И соседей напротив не может быть,
И ключа у меня в плаще, —
Ничего на свете не может быть,
То есть, ничего вообще.

И вотще предметов смешная спесь,
Если нет в бездорожье вех,
Но если всё почему-то есть,
Есть нечто ещё и сверх.

И даже не Китеж, не Зурбаган,
А то самое *почему*, —
В мерзлых соснах мартовский ураган
В не-сезон, в не-своем чину,

И какое-то «но», и совпавший знак,
И открывшийся в Книге стих,
И, в полоску, не ждущий беды шезлонг
У разверстых пучин морских.

18 декабря

Из книги
«ПОДСТРОЧНИКИ»

Бюллетень

Окно моё, горящее до горизонта, —
а там уже лазурь прорвалась между туч...
Господь даёт болезнь как исцеленье —
так болен мир здоровых в наши дни.
Благодарю Тебя за слабость тела,
которой мир смогу я обмануть.
Благодарю Тебя за врачеванье, —
здоровых телом, Боже, пожалей!..
Окно, горящее до горизонта
и вольный лёгкий ветерок
от каждой старой одинокой вещи,
и сердце — на скрещении лучей:
то — взгляды всех родных моих и близких,
из Тех-Кто-Раньше-Населял-Сей-Край,
когда Душа ещё хранилась в мире,
when fairies still inhabited the world...
(теперь Душа лежит, обнажена,
и вервием затянута железным,
и сетка отпечаталась на ней
квадратами...)

1986

Занятия музыкой

The grass was greener then...

Pink Floyd

— Что твой C-dur? Разжевал?

— Никак:

Всё скатываюсь в си-бемоль.

Зимний запас можжевельника

Изгрызла слепая моль.

Хранить — не хранить? — да полноте,

Всё — вилами по воде.

Ключ от кладовок памяти

Спрятан не помню где.

Я заперт в этюде C-dur, я вбит

В мгновение, я нём застрял.

Жемчужная моль неподвижно спит

В изжёванном «Джетро Талл».

Вода сомкнулась. Потерян ключ.

И ловишь малейший шанс —

Не упадёт ли случайный луч

В прошлое, где Сен-Санс?

Но клавиши стали жёлтыми,

В органных трубах — труха.

Безмолвная моль стережёт мои

Травные вороха,

И вырвусь ли, порой тишины,

За прошлое, вглубь, назад,

Туда, где горечь эгейских волн,
Где ионийский лад,

Где свежий чабрец покрывает склон,
Где в пальцах горчит полынь,
Где в святцах одни Сократ и Платон,
А храмы полны-полным —

Битком набиты, как закрома,
На пять тысяч лет и зим
Возможностью жить, не сходя с ума,
И в горы глядеть с низин?

— Как твой этюд? Разобрал? —
— Отнюдь:
Завяз в ушах и зубах...

*

Безумная моль прочертила путь
В будущее, где Бах.

июнь 2001

Странник-2

*...Однажды, странствуя
среди долины дикой,
Незапно был объят я
скорбью великой...*

А. Пушкин

*...Назад: не зовут
И впереди: не светят.*

Я, 1981, «Странник»

*В ночь из дома — куда
Без монет, без котомок,
В потайное потёмок,
Без следа,*

*И куда бы — Бог весть!
Оглянусь неохотно:
На исходе любвей
Запад сер безысходно.*

Только вороний грай
В кронах среди прогалин...
Что за печальный край,
Как мы сюда попали?

Нет, не возьмёшь, шалишь,
Надо брести к востоку, —
Хайре, ночная тишь,
Постольку, поскольку

Ты предвещаешь день,
Даже его сменяя!

Хайре, глухая тень,
Ибо, тебя сминая,

Как-то сама собой
В воздухе крепнет зримость...
В пир, или сразу в бой
Как, незваная, ринусь?

Там, в толковищах дня,
Дёгтем пришельцев метят.
Те, кто не звал меня,
Вряд ли меня приветят.

Быть по сему: бои!
Солнце в себе размножив,
Ночи — мечи мои —
Выхвачены из ножен.

К сумеркам прорубясь,
В новый закат вперяясь,
Только ли — цель и связь? —
Я и сама теряюсь.

Кто же подаст мне знак,
Кто же займётся мною?
Равно и свет, и мрак
Повернулись спиною.

Дескать, куда идёшь,
Что, моя радость, ищешь?
Переждала бы дождь
В баньке, в хлеву, под днищем, —

Дескать, до синих гор,
Красных ли рек — далеке...
Всё-таки разговор,
Всё-таки бы полегче.

Даже кабы Кошей...
Все бы хоть чем чревато.
Только по курсу — щель
В алый прогал заката.

Ладно же, тьма и свет,
Хватит вести торговлю.
Хайре, сиянье сверх
И того, и другого!

В *прочь из дома*, за кадр,
В огненные мрежи,
В Третье, пока закат
Веки ещё не смежил!

1981–1997

ПЕТЕРБУРТСКИЕ СТИХИ

Дом тишины

Город, с улиц твоих мне воды не пить,
И на шпили твои не наводить буссоль.
Я живу в тебе, Город, чтоб тебя накопить,
А потом понемногу расходовать,
как из тряпочки соль.

Облака твои исполинские
держат меня в кольце,
В кулаке меня держат,
в грохочущей тишине.
Я в твоих закатах, как в бабочкиной пылице,
Оттого-то, наверно, никто и не нужен мне,

Оттого-то, наверно, я во всех влюблена,
Оттого-то надежды мало,
что не умрём,
Оттого-то вселенная начинается у моего окна,
А мышинный лаз пасхальным заканчивается тропарём.

Отраженья значительнее предметов,
и лужи — как жидкий свет.
Город, я сложусь ковшом, пей с моего лица.
Облачная бахрома
отползает за ливнем вслед,
А вдали, за бараками, — новый фронт,
и так без конца.

Город, мне твоих небес не исчерпать,
По соринке всех слов не вынести за порог, —

Бесконечен Дом Тишины,
и сладко в него вступать,
И, запасшись солью, спускаться вниз,
давая себе зарок, —

С улиц и зданий твоих, о Город,
нет, мне воды не пить,
Воздуха твоего вдохнувши, верхней ноты не брать,
В реках твоих хмельных судьбы не топить,
По мышиным норам и лисьим лазам рук не марать...

январь 2001–2002
Петербург

* * *

О Питер в портах, перерытый до труб,
До всклянь израсклёванных инфраскорлуп!
Здесь, странно извившись,
 в стеклянном чаду,
Как все остальные, я в стебель уйду.

Листва захиреет —
 дома облетят.
Неведомогород, Потеряноград!
Что взорвано храмов! Что стёрто людей!
В обманных пустынях твоих площадей

Мы мнили раскинуть шатры и свершать,
А там от забытого трудно дышать,
А там меж зияний протиснись, поди...
И некуда слову лететь из груди.

Счищали, писали, счищали опять...
До дырок исчёркана эта тетрадь.
Под грифелем рвется усталая десь.
И к тёплому дому уже не добреть.

Вотще, Диотима, хитон твой багрян!
Где башни стояли — там пропасти ям,
И ржавые трубы змеятся в грязи,
И ты ничего не узнаешь вблизи.

И страшным соблазном желтеет заря:
Ужели и правда всё бывшее — зря?

Ужели беспмятны дни и места?
А может, лишь палец кладут на уста?

Пророчеству древнему не прекословь:
Настанут года — оскудеет любовь.
И, значит, написано мне на роду
По пояс брести в напороченном льду.

О Господи, благоволи пронести
Ту чашу в иные века! Отпусти!
Но, впрочем, Учителя больше ли я?
Пусть воля творится Твоя — не моя.

1994–1998

* * *

Приду, развею и зарю
За развороченной зарёю,
За мезозоем: за зимой...
Мне больше нет пути домой.
За — врассыпную, мелким скоком,
Дней, не вернувшихся к истокам,
Людей — мне с ними не сумеь! —
Сбиваясь, музыке греметь.

В соборе хор своё же эхо:
вступают нефы невпопад,
и чудится — одышка смеха
гудит волной из ряда в ряд.
Собор скорбит, но прячет очи,
В себе одышку укрощая,
Храня, что вытвердил, крещая,
И только уважая пуще
Поток, из алтаря текущий,
Где годы сходятся кругами...

*

А там, на площади, — рогами
Сцепясь, — они мычат гортанно...
Но — непреклонным камертоном —
Над храмом и над градом диким —
Святым Антонием Великим —
Звезда...

Не приобщаясь тингу,
Не поручаясь даже брату,
Разъятое творя в сонату,

Развоплощенное — в картину, —
Алмаз вина в мехи гнилые,
Причастие в помойку мира, —
За развороченной зарёю,
За всем, что прогорит золою,

Звезда...

*

Мне нет пути домой.

*

Приду — развею — и зарю.

*

Над разлетевшейся золою,
За развороченной зарёй.

1985

Спас на Крови в Петербурге

Е. Ф. (Х. Б.)

Рысаков:

— Ещё слава ли Богу?!

(из полицейского протокола)

I

Для мурашей для нас маршрут
Готов парадным показаться
Оттуда, где среди машин
Воссел, ослабившись, Казанский, —

Туда, — где Спас ещё в лесах,
Как муравейник необъятен...
Закат над городом засох.
Он жёлт, он прян и неприятен,

Но щедро отражен водой.
Канал опять впадает в церковь,
И воздух, как перед бедой,
Кругом афишами оцеплен...

Но что это — внезапный гром,
Леса на землю опадают,
И все, кто весел и угрюм,
Внутрь по билетам попадают!

Царь-мученик внутри сидит,
А правнука снаружи славят,
И медленно за гидом гид
Свой путь кружной по залу правит.

Но тщетно ждёт молитвы царь,
Глагол времён суров и весок, —
И, осквернённый, пуст алтарь,
И рты заклеены у фресок.

II

Мне мнится, мнится: есть напасть —
Вещам с собою не совпасть,
И что-то раздвоилось в мире.
Не терем в Северной Пальмире

И не музей, — куда как люто
Сей храм устави́л очеса
В свои, невидимые людям,
Возделанные небеса!

А мы — куда? в края сирен,
В борьбе ли, в поисках тепла ли —
О как торжественно отплыли!
А он остался при своём.

И как легки к нему пути —
Асфальт поёт под каблуками!
— Но захоти в него войти —
шагнёшь, и прямо через камень...

III

Дитя глухонемого рока
и диких купчинских трясин,
ты не прохожий, ты морока,
ты ставленница что за сил,

зачем, принарядясь собою,
цветочек в горло приколов,
идешь к ужасному собору
от распахнувшихся колонн?

Зачем, отдавши дань столице,
ты беззаконна на заказ?
Лучи Истории — сторицей
в твоей груди пересеклись!

Прищурясь как нельзя лукавей,
зачем ты судишь о «пути»?
— и, внутрь думая войти,
ты — тоже! — проникаешь камень,

и камень пронизает кость,
и главка вертится как глобус...

*

и всё — и вот прошла насквозь,
и побежала на автобус.

1984–1999

* * *

Я пришла из небытия,
и меня окружили вещи,
народжѐнные вместе со мною:

купленные в магазине треугольные табуретки,
раздвижной стол для коротеньких юбилеев,
тумбочка с тонкой стенкой,
книги, написанные в год моего рожденья...

На пустых пространствах встали серые башни,
и пустой простор предоставил ветер,
чтобы первые люди вдохнули веселья мира
и назвали свои немногие вещи
немудрёными именами;
и это было бы раем,
кабы не тихие страшные трупы ЧУЖИХ предметов
в недовыметенном Эдеме —

трубка, забытая первым Адамом,
книга с ятями, в мраморном переплѐте,
или та седая старуха в ботах,
выходящая из магазина «ПРОДУКТЫ» с пустой кошѐлкой,
и неведомо что — какие-то хлопья мрака,
оседающие в воздухе новой жизни...

И — страшнее всего —

словно холмы живые,
словно дома доисторических хозяев земли — термитов,
появившиеся ещё до начала битвы богов и титанов,
бессловесный ужас для души бессловесной,
сотворившей мир за пределами мира,

на сквозняке пустот —

были церкви.

Добродушный дачник земли не отдаст ни пяди
улетевшему дымом в топку ингерманландцу,
и крымчанин не прочь подпустить петуха татарам,
что вернулись нивесть откуда в его угодыя —
так и я готовилась к битве за чистоту своего эдема,
патриотка собственного рая, чернь парадиза.

Тонкими были стены у сотворённого нами мира —
и застенные гости
к нам заглядывали запросто, огибая
возникающие на пути тёмные старые вещи —
книги, слова, пылящиеся законы...

Здравствуй, залётный Гость! Кто ты? Пришелец, фюрер,
бравый комдив, начальник отдела, Цезарь?
Morituri тебе salutant! Ибо мы — morituri,
почему — неизвестно. Однако странная корка
запеклась на лице твоём: ненависти и страха.

Что же ты шипишь и скалишься и ликуешь,
и зачем ты сводишь счёты со старым хламом?
Или ты солгал, заверяя новых клеветов,
что и сам родился не раньше них?

...на дюрале твоих тарелок —
лоскуты заплат, как на старом плаще. Так что же,
я почти готова к тому, что сейчас увижу,
я уже поняла, в чём подвох,
я проснулась на шаг от бездны,
отошли же свою летающую тарелку
и пропой, завернувшись в старый латаный плащ,
убежавшим забвенья заигранным шалаяпинским басом:
«Ave Signor!»

1992–1993

Праздник Александра Невского

Если вымолвить о залогах —
Многие встретились на порогах,
Многим знак подавала дорога
В праздник, что и о нас немного.

Лоб крещу — на то и рука мне.
Солнце в инее, свечи в зное.
Словно дверь отворили в камне,
А за нею — уже иное:

Там бывшего лежат просторы,
Там незримые светят хоры,
И, как кроткая сила дружбы,
Князь проходит сквозь наши души.

Не о том ли мы и просили —
Допустили и нас к России:
Там она — за ледком прибоя
В берег вмёрзшего поля боя.

Зимний луч, благоверный Княже,
Как наждак, полирует пляжи.
С теми, так ли бывал ты дружен —
Спор бессмысленен и ненужен.

Нет ещё у людей названья
Страху этому — и зиянью,
Тленью, жару и дуновенью,
И — с собою — разминовенью.

Только в той, путеводной книге,
Вехи, знаки — и те же блики,
Что на тех буграх гололёда,
На моей судьбе — и народа.

И, на силе покоясь Старшей,
Сочетая со днем отставших,
Повернувшись спиною к Аду,
Ночь могучую жжёт лампаду.

1985

**Сад в Александро-Невской лавре
по дороге в Петербургскую Духовную академию**

Л. Ф. Шутенковой

Дует ветер с градом
на прожитые мною жизни.
Там устанавливается безвременье,
и они пересыхают, словно заброшенные каналы,
и уже не бегут по ним замусоренные воды.
Золотые колёса жизни,
золотые крылатые колесницы
катятся из одного пространства в другое,
из одного сада в другой...

*

Сад мой саднящий, залитый талой водою,
С церковью посередине,
Сад, свидетель стольких подлых ошибок,
Стольких встреч устроитель, стольких словес подсказчик!
Сирые неопиты, мы тебя истоптали.
Сколько раз мы бежали тобою в золото храма,
Сумерки страшного мира спеша оставить снаружи!

*

Помню одну старушку —
с черными подглазьями, плачущую в голос.
Как она тряслась от тоски: просить не умела,
стыдно ей было, а никуда не деться.
Умерла, наверное, очень быстро.
Я дала ей рубль, но адреса не записала.

А один раз женщина шла из церкви,
а вместо сапог или бот у неё обмотки.
Тут-то я телефон записала, но так и не позвонила.

А ещё как-то раз на Страстную пристал весёлый пьянчужка,
на костылях и весь аккуратно перебинтован,
и цеплялся ко всем, идущим из церкви, —
дескать, дай три рубля, а не то какие ж вы христиане?
Я боялась, что это переодетый ангел,
и, вздохнув, отдала ему свою последнюю трёшку,
и больше его никто никогда не видел.

*

Иеромонах Алексей надо мной немного поиздевался,
намекая на возможное употребление моей трёшки.

*

Но теперь уже и Алексея в лаврском саду не встретишь —
он расстался с карьерой и перешел в Зарубежную Церковь,
и бедствует на каком-то мелком приходе.

Кто теперь гуляет по Саду с его затопленною сиренью,
пробирается к пасхальной заутрене по непроходной тропке?
От моих колесниц следов на льду не осталось.
Не вернется туда и отец Алексей,
а пространство, ИЗМЕНЩИЦО, делает вид, что нас позабыло
(будто бы я не знаю, что оно ничего не забывает!),
и услужливо расступается перед другими,
и нащёптывает им, что они — первопроходцы,
как нащёптывало и нам, доверчивым, предавая ушедших —
мучеников, исповедников, нищих, святых, поэтов,
прочертивших огненные следы над этой дорогой.

*

А красавица Марья Семёновна лет девяноста?
То ли фрейлина императрицы,
то ли звезда императорских театров,
то ли принцесса из уничтоженного царского дома.
Не седая — блондинка! Не старая жердь — а лебедь!
Так и стоит предо мною умный орлиный профиль,
ласковая улыбка, танцующая походка.
Марья Семёновна о себе никогда не говорила,
но справлялась о родственниках (и всё запоминала),
и ко всем напрашивалась на ночь

(только я её никогда не приглашала).
Марья Семёновна принимала деньги,
огурцы, бутерброды, поношенную одежду,
но моего узла не взяла — под ночь воскресенья
станет она, дескать, с тряпьем возиться!
И никому, никогда, ни одним намёком
не открыла Марья Семёновна своей тайны.
Вот идёт она, статная, полупрозрачный лебедь,
радуясь живой земле, по краю дороги,
вот идёт она, высокая, как берёза,
в ореоле безумия, в нимбе причастия, в свете солнца.
Ничего, когда-нибудь мы умрём и обо всём узнаем.
Не удивлюсь, если это была сама святая княгиня Елизавета.

Всё-то мне чудятся в талом Саду
замаскированные ангелы и святые.
А иногда прорыскивали и бесы — без них не обходилось,
только увольте, о них я говорить не буду,
и того довольно, что чудом жива осталась.
Но и людей по той дороге наискось к церкви прошло немало,
и за каждым воспоминанием стоит нечистая совесть.

✱

Так и вышло — не мир, но меч. Сначала меж миром и целокупным Храмом. Теперь же — и в сердце Храма. Меч — дорога, наискось разрубившая сердце сада, меч — печаль и гнев, расколовшие наше сердце, водораздел, навсегда отделивший нас друг от друга. Бывшие неопиты, братья, из колыбели Сада разлетевшиеся по лесам, полям и пустыням! Значит, наша вера не посрамилась, и остальное, как ни страшно, сбудется тоже, — крестоношенье, голод, земли трясенье, выкорчёвыванье садов, души поруганье, оскуденье любви, святых избиенье, и остается в силе завет ничего этого не пугаться.

Из книги
«ПОДСТРОЧНИКИ»

Пять храмов

* * *

У Никольского
Тайный круг, обозначенный деревьями,
И ограды на толстых стеблях.
Тут — солеварня:
Лампадный елей без соли приторно сладок
И керосинов.
За оградой —
Крайний мыс человечества!
Дальше — волны да звёзды,
Да обломки эгейских камней.

* * *

Владимирский,
Светлый ангел — мостов хранитель,
Сам он идёт сквозь деревья навстречу.
Алые реют над ним хоругви,
Окружают алые лепестки
Фоминой недели.

Среди протяжённостей и загустений мира
И новых толп, глядящих куда-то мимо, —
Кроткие старцы с потиром у Царских врат,
Слепец с шаляпинским басом — в притворе,
На паперти — чудовищный сифилитик,
Пророчица средних лет — в окруженьи строгих старушек,
И причастные Тайнам дети,
Не сомневающиеся в том, что все, кто ушёл, вернутся.

И каждый сердце держит на ладони
И плачет обливаясь над ним, —

Не потому, что нету доверия к расщепетавшимся детям,
А потому, что мысль о Возврате не помещается в человека.

* * *

...и ты Смоленка,
глубоко глубоко под опавшими листьями кладбищ
затаившись ты держишь фонарик в руке,
ходишь только по теменям склизким осенним —
или это лучи не набравшего сил ещё ЗАВТРА?
Или тайное солнышко прячется, приоткрываясь, во мгле?

* * *

Воскресенский собор
Опадает ключьями кожи с тулова. Стража
Всю субботу сорит окурками под забором,
Запрещая снимать с креста ислёванное тело.

Затянулась нынче суббота.

Так тянется строчка
между рифмой и рифмой,
 обращаясь верлибром,
тянется жизнь, провалившаяся между стульев,
между ударами сердца тянется тишина,
не имеющая в себе своего продолженья...

* * *

...Этим вечером у Коломяг...

А. Иконников-Галицкий

колыбель и могила моя, колыбель и мятель,
колосок моей смерти (молочной спелости...),
и — трудных
и не сдержанных чистых обетов. Там — паданцев полон,
полон паданцев пруд...

*

На высоком обрыве,
между деревьями и котловиной Заката —
полной бесщётных безлесных тыщеоконных...

*

Сколько ещё нам принять воскресений
Крестопоклонных?
Надо плотников звать — вишь, ступенька прогнила...

колыбель и	могила моя
ко	
лы	
бель	
и	мо
	ги
	ла

*

Вот святые сидят на лавочке — молча, клюку отставив,
С белой булкой пьют молоко между постами,
Белые розы цветут на аналое...

*

С нами просто молчали, а мы — обманули...

*

колыбель и могила моя, слепое прозрение,
небосвод накрённых деревьев, разъятых лазурью,
едкий месяц над сном обрыва, заря тумана,
города на дне у высохшего океана,
острый взор звезды, пустынная весть дороги
и холодный на ошупь снег на пустом пороге —
колыбель и могила моя, колыбель, новоселье,
сердце в свете и голос-бродяга, теперь оседлый,
колыбель и могила...

1985

ИЗ
ЦИКЛА
«ДОМ
ТОРТОМА»

Армения

Водружая в горах хоругвь,
В чистоте круговых порук —
Ты страшна, и священен страх;
Твой огонь на зубах хрустит.

Как река, во мне мысль блесит —
В покровительственных горах
Угнездиться хоть на порах —
В восьмеричных складках излук...

И — в колени твои — лицом!
Но ковёр, описавши круг,
Поворачивает назад.
Кто владеет твои кольцом?
Кто натягивает твой лук

Так, что стрелы твои летят
не вперёд, а обратно — за —
за Урарту с Эребуни,
за семь глиняных гор (они
лишь распахивают глаза),
За Хайасу с Аззи, туда,
Где встаёт на краю гряда...

— АЗАРАН-БЛБУЛ, ЗАГОВОРИ!

«...и сад сухой вскипит как кровь,
вскипит как алая вода.
Но, джан, дитя моё, любовь,
ты не буди меня тогда».

— АЗАРАН-БЛБУЛ, ЗАГОВОРИ!

«...и сад, когтясь, вскипит смолой,
вскипит, как чёрная вода,
Но ты, наездник удалой,
Ты не буди меня тогда».

— АЗАРАН-БЛБУЛ, ЗАГОВОРИ!

— Нани, раскрылся златоцвет,
взбурлила жёлтая вода,

ПОРА?

1985

* * *

Армения глядит из глубины,
из ночи Апокалипсиса смотрит.
Коснуться — провалиться в детский сон,
Вернуться в сотворённый мир — и время.

Неистолкованная ночь пророчеств!

Ни православной мягкой позолоты,
Ни многолюдных неводов обеден,
А ночь и пламя перед голою душой —
«Да» или «нет» должна она ответить.
Не в лузу шар вогнать, не влить эмаль в гнездо,
А «да» своё пустить в горящие пространства,
откуда смотрят лики целых толп! —
в мозаику уложенных не нами.

На Камне Бытия, у той дороги,
я сяду, терпеливо отвечая
всем, кто бы рад заполучить ответы:
есть горы, и стихии, и разломы,
и камни, в коих запечатан Див —
от них чужим не откупиться словом.
Зачем стучать в палаты мудрецов,

вступать в союзы наций не по Богу?
Зачем чужой акрополь воздвигать
на очарованной горе Гехарда?
Ещё нас позовут судить других
Из камня под звездой, из пламени ночного,
и мы, в гиматии святого Иоанна,

босыми вступим на чужие камни,
и те обуглятся.
Откуда эта спесь
всечеловечества? откуда вам известно,
что в Риме совершение путей,
что в Византии сотворили время?
А вдруг вы — только стадо снежнорунных
овец, пасомых жезлом золотым
на лакомых угожьях Ойкумены?

Вкруг камня-храма на горе высокой,
остроконечного, с остроконечным солнцем внутри...
Там век живёт один монах,
И ничего не знает, что бывает,
и путает, когда каким собором
и сколько выпустили с башни голубей.
И точкою себя он не наносит
на контурные карты стран и лет.
а лишь проходит от Христа к Христу,
как из очей во очи взгляд — и мир минует,
И светится потир полуприкрытый
В белёной горней горнице его...

*

...Не об одном, не об одном ли,
Да ведь оно одно и есть:
Кому — печальная неволя,
Им — с воли веющая весть...
Так Нерсес, сплунув ком последний,
противоядия не взял
и, трудно дослужив обедню
в селе далёком и глухом,
сказал:

«Я рад, я покидаю
край беззаконный и немой,
и ухожу в иные дали, —
но не в субботу, не зимой;
и вы того ж себе молитесь.

Ещё немало чёрных нитей
в канатах, что плетёте вы,
в канатах, что плетутся нами,
что называют — временами.

И принимают их — как бы извне,
дивясь и охая: “О горе мне!”

А сами их плетут — и вечно с тою, чёрной,
то влево, то наоборот кручёной...
и вот она с другой вползает стороны...

Но ведомо: из многих — в три обхвата
сплетутся некогда два толстые каната:
один — из белых сплошь, закрученных направо,
другой — наоборот; и тяжела управа
тем, кто двойную нить, не размышляя, плёл!
Все времена его растешутся на пол
времён — и прояснится для ума:
те нити — он и есть, и он *растешется полма...*

Но мой канат — обрублен.

И отныне

мне места нет меж времена плетущими в пустыне
и в них живущими, как рыбы среди сетей.
Я ухожу несвязан в путь путей».

И в сказанном была такая вескость,
что все запомнили, чему учил их Нерсес,
и как благословил он Дом Торгома,
спокойно уходя из дома, —
и до сих пор глаза толпы за ним следят,
все расширяясь; с патриархом — яд,
что подал царь ему, —
как им велит любовь,
деля из поколенья в поколенья
и комьями откашливая кровь.

Агарцин

Горящая земля, огонь-опора...
Не встань сюда обутыми стопами!
...горящий камень в сумраке притвора,
в том жёлобе свечном, куда всыпают

обуглившееся зерно Урарту, —
под той дырой апсидного пробоя,
где — ветвь, где небо держит пред собою
своих угодий контурную карту, —

о, будь то тучи, или будь то Тора, —
в разрывы — т а к глядит, что обращает
и их в частицу своего простора
и в слово текста, коий возвещает

иные смыслы (не наименую:
Язык не то что неуклюж — ненужен):
Иные смыслы — и любовь иную.
— И мы, вернувшись, перевесть не можем.

Так будущего огненное семя,
Ложась, питает прах, что ссыпан в годы,
Тогда не пламя реет надо всеми,
Но дерево словесное свободы:

О, лишь тогда ни холода, ни жженья,
Но древний отчий свет на прежнем месте,
И в безднах всех времен — без притяженья —
Мы безопасны, словно на помосте...

1985

Прощание с Грузией

Ламаре и Кетеван Гогличидзе

1

Ты прячешь меня — так прячь,
Плачешь — плачь, раздирая грудь:
Грозен, Грузия, этот плач,
Грозен, Грузия, этот путь.

Одиноки — как в крестный крик —
Обнялись мы с тобой на миг:
Грузия, нету правды страшней,
Но прости — раствориться в ней
Не могу; и воды, что с круч
Льется долу, глоток колюч.
Сгинуть в сложных твоих лесах,
Выцвести в ангельских небесах —
Не проси.

В твой предсмертный рай
Горы хлынули через край.

2

Сакартвело точнее, а Грузия — этнографичней,
Акварелей не пишет — зато в газырях и вине,
В нац. орнаменте, терпче, зернистей, привычней,
Ну, а первого — нету на картах планеты. Зане

Не накормят бараниной, — горсткой гороха наделят,
Не напоят вином — но родник заструится в траве.
Десять каменных храмов покажут в округе, и девять —
На закрытых для смертного гребнях в густой синеве.

3

Квеври наполовину в землю зарыты.
Горы и небо глаголют, но мне не понять их речи.
Древние ангелы, чьи имена забыты,
Нам назначают в Грузии место встречи.

Лилии на чеканных стеблях и сассапариль.
Стана в седле прямее, июля пряней.
Кажется, день обвис на холмах, распарен,
Но натяни тетиву — и тонкой стрелою прянет.

Сложного леса стропила, лучи и пясти,
И перечёркивание, насквозь, объёма.
Грузия, я в тебе не имею части,
Я — только гость, и, верно, кому другому

Предназначаются эти стенанья, углей горячей,
Отдающиеся в душе тлением и тоскою.
Ангелы выстроились серебристою кромкою тучи,
Что схватилась за гребень короткопалой рукою,

Над запёкшимся городом из разноцветной яшмы
Погромыхивает расслабленно и недлинно,
Не спеша подтягивается, облакачиваясь вальяжно,
И, за край перегнувшись, оглядывает долину.

4. Т б и л и с и

Павлин небесный
С горлом перерезанным,
В мягком огромном гнездилище гор!

Кровь твоя тёмная уже стекла,
Око отверстие — как из стекла.
Клюв — Метехи — голоса лишён,
Слух — пророчествами оглушён.
Цари кормили тебя из рук,
И к завершению близок круг.

Но фениксы у тебя в родне,
И симурги у тебя в родне,
А, значит, тебе не гореть в огне,
Как небо горит,
Не тонуть в волне.
И будешь ты лежать как живой,
Пока не прострелят затылок твой,
И радуга будет как встарь пестра
Вокруг хахульских очей пера,
И смерть не скрючит твоих когтей...
Где этот род выводит детей?
В каком ущелии падать ниц
Пред россыпью золотых яиц?

1987

Голоса уничтоженных и убитых

Каменная диковина —

Великанов работа...

«Руина», древнеанглийское
стихотворение

Голоса уничтоженных и убитых,
Изгнанных из мироздания,
Подобны звёздам на вечном крыле ночи,
Небу, которое в полдень от нас сокрыто.

Запертые в одном пространстве
С уцелевшими и палачами,
Мы повязаны с ними единым страхом,
От которого вы навсегда освободились.

Вечная ваша память,
Приснопоминаемые отцы, братия и сестры наши, —
Кто мы без вашей дружбы и ваших песен,
Кто мы — без дыма ваших пожарищ и ваших пирушек?

Как нам без вас говеть? Как жить? Мы ничего не знаем,
Ничего не умеем и не понимаем,
Словно Офелия, схоронившая десять тысяч старших
любимых братьев,
Что ушли из мира на полуделе и полуслове!

Я трепещу, лечу, на ветру сгораю.
Я поднимаю чашу на вечной тризне.
Кто-то поет: *«Я ещё не жил — и вот, умираю,*
Но никогда я так не жаждал жизни».

Сколько их — воинов, братьев, — от коих в мире
Только эта жалоба и осталась?
Все народы и нации — тысячерукие гекатонхейры,
У которых обрубков больше, чем рук.
И приходит старость,

А гекатонхейры, забыв обо всём, что знали
Отвалившиеся и обрубленные руки, впадают в детство.
Я несу вашу память как зачехлённое знамя,
Не касаясь пером запечатленной дести,

Ветви выкорчеванного леса раздвигаю, не видя:
Немудрящий дикарь у останков великой расы.
Как оробевший сакс, вхожу в покой, где звучал Овидий,
И нахожу на цветном полу обломок вазы
или остов кирасы...

Нет ключа у меня к развалинам чудотворным,
А они молчат, предавая то, что в них обитало.
Опустелый облик пространства
оказывается притворным,
А потому, как делал и сакс, я б его заселять не стала.

Я бы не реставрировала руин, а строила рядом,
Напоминая себе о том, что явилась в мир на излёте —
После великих, и крошкам с трапезы должна быть рада,
А не свое малевать на фресках Буонаротти.

О голоса уничтоженных и убитых,
Голоса, живущие в мире лишь как возможность слова!
Стих иногда совершает таинственные кульбиты,
Натыкается на препятствия, чувствует сталь засова,

Лезет куда-то в гору, поёт о том, чего нету
И никогда не будет, — или, быв, оборвалось;
Всё — вслепую. Вопрос — по какому свету
Странствует он, — и это не та ли волость,

И не тот ли заоблачный край, где, незримы, бродят
Ваши тени, формулы ваши, собой его населяя?
Может быть, голоса ваши в наши писанья входят,
Невоплотившимся и небывшим их усилия,

Превращая стихи в невиданные гибриды —
Хвост одного, а тело другого роду,
В корабли, нагруженные голосами умерших и убитых,
Что, тяжело качаясь, бортами зачерпывают воду —

Слева — этого мира, а справа — уже другого:
Антиматерия и материя в тесном сплаве...
И возвращается изгнанное, и наполняет слово,
И совершает в неизвестности то,
чего не свершило в славе.

февраль 1999

Воспоминание об Алтае

Любе Калининой

Дружественные духи! Перистые размахи!
Не достигнули сюда покуда ересиомахи,
В Рериха верят последние беспоповцы —
Право же, нет причины для беспокойства!

Эти китайские горы, рек китайских разливы,
Грозные очи пиков, запах кошмы козлиный,
Антропософ, ребенок, странник в душистых травах —

Куры в его избёнке, а над курыми — Кранах,
А на убогих полках, выделанных из лавок, —
Данте и самиздаты о драгоценных лалах...

Дружественные духи! Облачные батыры!
Кто, потеряв печать, вызвал вас из бутылки,
Опустошив гробницу — древнего кров уйгура?
В агнчей ли шкуре йоги? Огненные ли гуру?

Апостолат ваш чуден, о ключевые токи,
Облачные теченья, дующие в строки, —
Дружественные духи, ангелы окоёма!
С вами и Беловодье недалеко от дома.

Дружественные духи! Вестники благостыни!
Слуги ли вы Белухи и госпожи Катыни?
Или Господь с улыбкой вас посылает долу,
Чтобы хватило в лавке хлеба и валидолу?

Кто вы — не знаю, только знаю — единовѣрцы.
Чествую вас Псалтирю, с ясною верой в сердце
В рай, где ягня со львом во чабрецах пасутся,
Курочки-рябы только лалами и несутся,

И, запрокинув лица, в радостном удивленьи
Бродят антропософы, чая Богоявленья, —
Бродит Борис Бугаев, может быть, Маргарита...
А из куста монашек смотрит на них сердито,

Медленно размягчаясь, зримо оттаеая,
Как чистейшая льдинка, в ласковых травах Рая.

1986–1996

Предкам

Под водою,
размывающей мёртвую плоть
и разжижающей землю,
мы — дежурные вашей смерти,
покуда вы переходите в Жизнь.
Нам едва хватает сил вести против теченья времени
баржи с вашим богатством.
Ваши тени пируют на этих коврах,
ваши толпы стоят со свечами
в Софийском Соборе,
мы же — не смеем войти,
потому что войдѣшь во храм — и шага не ступишь
сквозь невидимую толпу...
Мы — пробираемся закоулками,
мы — тень от свечки,
мы заселили болота и волчьи степи...
Революция нас обманула — и не придраться:
смерды смердами так и остались, —
мы и с улицы не дерзаем глядеть
на вашу рождественскую трапезу...
Но зато ваши берестяные грамотки
мы перлюстрировали,
правда, легче от этого нам не стало.
Ваша жизнь, вожденная жизнь —
за музейным стеклом.
Мы расступаемся
перед величественной процессией мёртвых,
наводняющей отремонтированные храмы,
где недаром в субботу стучал молоток...
ПОМЯНИТЕ ЖЕ НАС —

пасынков
пасынков
падчериц...

...вот он — обрыв смерти:

за оставленными домами,
за непонятыми следами,
звуковая пустота, немота...

...это мы — потустороннее царство:

похоронное бюро в витрине
имитирует наши постели
и цветы,

словно заигрывая с нами на языке нашего мира...

Кто заглянул за пределы освещённого круга, —
не согреется никогда:

слишком много я знаю о тех, кто умер,
чтобы весело бежать по площади Веча,
по паперти Троицкого Собора...

Мы пытаемся вас — продолжить и дописать
(но, боюсь, не так, как вы, живые, дописываете себя СЕГОДНЯ),
мы — дежурные в потустороннем мире, —
а вы отдыхайте:

мы — дежурные в опустошённом мире —
не под Солнцем-сердцем — под куском горящего вещества,
не с людьми — с беспечальными сгустками ткани и крови,
в мире,

где башни на стоугольных домах уподоблены кубкам,
опорожненным —
и опрокинутым кверху дном.

Отдыхайте — мы до вас не доберёмся,
как бы и зачем бы мы ни старались
(Голлум в Мёртвых Болотах тоже пытался,
но, как мы знаем, ничего у него не вышло).

Вот богатства ваши — другое дело,

Перед нами они вполне беззащитны.

Мы ведём баржи, гружённые вашим наследством,
Против течения времени, — а вы отдыхайте...

Новгород, 1986

Царское Село. В поисках храма Софии

маленькая поэма

Но страшно мне: изменишь облик ты.

Блок

*

Дождь оборвался и завис над каждой из крон
Он ждал обрушиться случайней

И мы войдя в траву направились к руине

Мы искали храм Софии
художницы небес цемента наших кладок
и сферы вечной памяти солярной
и треугольник на фронтоне церкви
как жёлтый камень посмотрел нам вслед
не начиная разговора
вот кажется и храм
внутри
подвешены чертёжные берёзы
и льются в землю молоком
и мы проходим огибая струйки
и дождь протискивается в ограду
высокой дружелюбною стеной

*

Отвес Вселенной входит в это место

*

Но что это должно быть мы ошиблись
Нет это всё-таки китайский театр
Он тоже должен быть неподалёку

А Храм Софии где-то рядом, тут недолго
и заблудиться

нет конца руинам
и роще этой светлой нет конца
но позабыли мы как в этом месте
мы оказались — а уйти нельзя
тут сохранились лестницы и ложи
а сцены нет и кто-то неизвестный
поганные рисунки накарябал
на стенах

никуда от них не скрыться
вот так душе оттягивают веко
и видят в ней чего не видим мы

и больно нам вытягиваться в струнку
мигать и плакать — «что-то в глаз попало» —
и сердце словно грыжу заправлять.

✱

скорей пойдём отсюда что стоять

✱

и больше истины не будет
и разума на день осталось
я завтра завтра позабуду
я завтра завтра отлечу

кто без меня меня разбудит
кто сдунет грубую усталость
кто обратится к небосводу
кто припадёт лицом к ключу

✱

Я свободна. Сгинь же, гнусь!
Я вернусь, вернусь, вернусь.

В той дали, в туманах тех
Тропы искривляет грех.

Тщетно ветра ловит рот:
В горле — ком его мокрот.

Тайный впаянный магнит:
Нагнивает, временит.

Тайный встроенный крючок:
Паучок, стрючок, молчок.

На словесном на свету
он находит простоту.

В свете высказанных слов
он недвижим и багров.

.....

*

...И вдыхаем огонь. И вдыхаем вино.
Как бутон, раскрывается вещь. Как окно —

Небосвод. И молчат за весёлой чертой.
И руина пускает пузырь золотой.

Дождь хлынет за спиной. Успей, пройди.
И се, Отвес Вселенной посреди.

*

.....

Не устоять плакату с кнопкой в нижнем углу.
Не устоять и нам: свет привлекает мглу.

Глянув на месяц над тёмною синью вод,
Мы опрокинемся днищем, —

встретившись с тем, что ищем,
снова впадем в небеса Ахамот,
где черные звёзды на белой тверди
и китайский театр копошится на островке заболоченном
в рифму к белому храму с колоколом позолоченным...

Мой облик здешний и крест тяжёлый.
И ты — не гибель, ибо чужое.
Но в миг бессилий кричу: спасите,
уйди, задёрни полог, жена,
под небом белым, при звёздах синих,
в багряных водах отражена!
Зачем тебе мертвящая сила
над робкой жизнью моей дана?

Но дышит зрак безобразной злобой,
И тьма спекает мои уста.
Добра не имеет, креста не носит
Твоя Содомская красота.

Учителя и братья, думавшие за нас,
час неровён — прославят еретиками вас.
Три ли свечи горели, три ли встречи в ночи —
велия эта тайна, сердце, о ней молчи.

Поздние невегласы, в книгах узнав о том,
мы не решимся тронуть тайны —
слепым перстом.
Ангельские разборки, сломанные крыла.
Что же на месте света праздничает мгла?

(послесловие)

...От беззаконной мглы,
сквернящей место света,
мгновенно грянув, очищает свет,
но длиться в этом сил у твари нет, —
так море Черное двумя валами вод
на миг по обе стороны встаёт:
Тем яростней схлестнутся два вала
над отмелью, которая вела.

Бреду тобой в жару, столбец песчаный,
словесная тропа, — и жду пощады,
снаружи — адамант, внутри — гнилая...
И солнце треугольное, пылая,
ждет впереди, как на Фронтоне глаз:

Он будет говорить, услышав нас.

1980 — св. неделя 1983 — март 1984 — осень 1994

* * *

Три звезды мне на сочельник,
Тёмный зал, библиотека.
На каких пересечениях
Пляшет сердце человека?

Куполами из туманов,
Кормчими по хлябям мрака:
Рильке, Хлебников, Иванов —
Солнце мёртвых — в вихри праха,

Памяти — в края забвенья...
Так пируют, пожиная!

*

...Прежде, чем по первым звеньям
Я взобраться пожелаю.

Много прежде, чем избыто
Всё, с чем суждено прощанье...
Лишь от Скрывшего не скрыто,
Кто исполнит обещанья.

1982

* * *

Давай, подруга, веселиться,
а то настанут времена —
напишет жук на наших лицах
неведомые письма.

Напрасно ты себя ругала,
бросала о землю скрижаль.
Не то, чтоб старость так пугала,
Не то, чтоб молодости жаль, —

а просто столько жизни было,
и вся как ухнула в трубу,
ушла в дуду, пошла на мыло,
всосалась в Невскую губу.

Болотный торф, известно, зыбок
и нехорош для кораблей.
Но ты — наделала ошибок
на целый миллион рублей,

бессмысленных телодвижений —
на тысячу, моя любовь!
Начав, мы ждали продолжений —
и тут же начинали вновь:

в разведку — не узнав пароля,
вплыв — без ветрил и без руля...
Ах, ты всё шила и порола,
намётывала и рвала!

Что ж, у разбитого корыта
пой, о подруга, и пляши!
Не страшно, когда карта бита:
оно и лучше для души.

ноябрь 1998

* * *

Т. Арсеньевой

Закату, набрякшему ало,
Вовеки в зенит не подняться.
Вовеки, бросаясь на скалы,
Валам разбиваться, вздыматься

Опарою горько-квасного,
Зазывного, буйного хлеба,
И рушиться в бездну, и снова,
В слепом иступлении гнева,

Уста разжимать им, — за фалды
Хватая, яриться бесчинно,
И, с воем, женой Потифара
Отвергнутой, падать в пучину.

Предела, его же не прейдут,
Не видят, — на то им и очи:
Не видеть. — Тем яростней бредят,
Тем мука темней и жесточе,

Но камень — на то он и камень.
И смотрит турист с верхотуры
На шторм, и разводит руками,
Наскучив безумством природы, —

И ночь, как отъятие Света,
Смывание рифм и линий,

Накладывает, как вето,
Холодный бестрепетный ливень

На спальник его и палатку, —
Покуда, как петел со шпиля,
Не выкрикнет утро загадку
В глаза ему: марево штиля.

На чём примиряется море?
Проспавший всю ночь на вершинах
О том не узнает; фальшиво
Рифмованное горе

О той, что купалась в пучинах
И утра не встретила, ибо
Есть вещи, что страсти к мужчине
Сильнее. И тот, кто не рыба,

Из вод не уйдёт безнаказан.

*

И путь ему в утро заказан.

май 1995

Рождество 1998

Гляди, сегодняшнее, вчерашним!
В середине жизни да будет башня.

Да будет в светлой её твердыне
храниться всё, чем владею ныне.

Лучи восхода, лучи заката
равно из прошлого и из завтра

(равно по смыслу, не расстоянием!) —
её окатывают сияньем.

Какие бы ни пришли напасти,
она меня приютит в несчастье.

Что шаг, я — выше, а башня — ниже.
Я отовсюду её увижу.

И к ней — чтоб их не могла забыть я —
с шуршаньем скатываются события.

К ней, вниз, — то осыпи, то аллеи.
В ней сходятся гордые параллели.

Она — Эвклиду мое отмщенье,
hommage Лобачевскому и Эйнштейну.

О брошенной не пекусь поклаже:
как лев муравьиный, она на страже,

но этот лев муравью не страшен...
В Истории тоже немало башен —

больших и малых, пустых и полных,
венецианских, водонапорных,

столпов, опять-таки, Авессалома,
что в Судный День сгорят как солома,

с шелками, порохом, кровью, вшами...
И к ним события ползут с шуршаньем.

Стоят — народов и стран гаранты...
И бдят на каждой из них куранты.

Там — одиночки, здесь — миллионы
Штурмуют галечные склоны.

Но, если все оглядеть с полёта
орла, совы, ковра-самолёта,

а то и с тройки крылатых коней, —
увидишь: башни стоят на склоне,

и вниз, — их столько, что дух спирает! —
дрейфуют медленно по спирали,

по неизвестной нам теореме, —
к тому событию в Вифлееме.

Та башня — в добрые полпарсека —
подобна пленнице дровосека

на дне центрального стадиона.
Вся до последнего лампиона

она сияет и пламенеет.
Над ней — алмазная твердь синее,

а там — звезда благодатной вестью,
и к ней по сферам ползут созвездья —

к ее объятьям восьмиконечным...
Гляди, забывшееся, предвечным!

Прикинься, страшное, приручённым! —
— И, от досады делаясь чёрным,

глядит от гребня воронки Каин,
как катится долу сизифов камень.

1998

* * *

Живем темно, и окаянно,
И без разбега.
Так Ной не видел океана
В окне ковчега!

Так крот бурит земное лоно —
На чистом нюхе!
Так ощупью бродил Иона
В китовом брюхе!

Так бард заманивает слово
В силок тетрадки.
Так набухают зёрна плова
Под крышкой латки.

Так вмяла мачеха-природа
В моллюсков — перлы...

*

И страшно вылупиться первым,
Не зная брода.

1998

* * *

О, мокрое, сирое,
Ослепшее, сонное!
Осень сколлапсировала
В ягоду тёрна.

В мгле денной, в зге утренней —
Не всё ли равно ли?
Извне перламутровую,
Внутри же — взрывную:

Той горечью, терпкостью,
Что суть переводы
На наше наречие —
Речений природы.

Так, — мямля, грассируя,
Скупая в рассрочку, —
И жизнь сколлапсирует
В случайную строчку?

Все эти разрозненные
Небесные пажити,
То иссиня-розовые,
То изжелта-бежевые,

То ало-оранжевые,
То винные, тинные,
Скреплённые наживо
Иглой реактивной, —

Моря с океанами,
Друг друга не знающие,
Закрайними странами
Различно пылающие?

Ужели, Гондваной
Разъехавшись в стороны,
Старинный рыдван её —
Со всеми рессорами —

Дождавшись полуночи,
В орешек уляжется
И — с тракта — по насыпи?
Вся азбука — в ижицу

Ужели внасилуется?
В серебряной рифме
Вся жизнь сфокусируется —
И выстрелит мимо?..

1998

* * *

Путь в небеса не отягчен возвратом,
Иначе он — не в небеса, а к хлебу.
Обрубки гор обагрены закатом,
Обречено их устремленье к небу.

Обречено и любованье ими.
Свидетели прадревних поражений,
Тщеты титанов, торжества эриний, —
Они своих не стоят отражений

В зрачках у нас: мельчайших, вверх ногами.
Мы — горы без вершин, хотя и тянет
Вернуться с полпути, и вверх локтями
Лежать, рассматривая землю, сапогами

Истоптанную, в корешках пырея,
Жучками-паучками обжитую,
Своим теплом её, сырую, грея, —
Не сплошь, но вдоволь кровью политую.

А кто-то не вернулся с полполёта
И больше не относится к землянам.
За ним сомкнулась, чавкнув, как болото,
Голубизна, враждебная зияньям.

И он не стал добычей скалолаза,
И с карты стёрт, и изгнан отовсюду,
И нет ему ни шапки из алмаза,
Ни ризы, равнозрачной изумруды.

Но время с местом помнят всё, что было,
И эта память стрелки отклоняет
Магнитные, и ставит на дыбы нам
Послушных кляч, и лодки накреняет.

Вот отчего над обгагрённым гребнем
Тревожны ливни, взвихрены туманы.
Вот отчего томимся мы и гибнем,
Как моль, зажатая между томами,

Которых ей не прочитатъ вовеки.
Вот отчего мятеж в душе и склока,
И вспять текут бунтующие реки,
Исхода не найдя, ища истока.

Берхтесгаден, 1997–1998

* * *

Опускаются руки. Приходят тучи.

Не дописать письма.

Не выбраться на литургию.

Я довольна и тем, что немножко нужна,

но гораздо лучше —

Перебирая ткань тишины,

забыть о том, что говорят другие.

О тишина, я — блудная дочь,

я вернусь, когда всё растрочу,

Я и раньше вернусь, —

к вологодским твоим лопухам, на глухие тропки,

к облакам и пушкам,

заряженным наудачу

разрывной тишиною,

заранее вынесенной за скобки.

10.05.2001

* * *

Чередом следуют метаморфозы
Лета.

Цветы превращаются в пищу.
Август повесил парадные грозы,
Как мезузу над порогом жилища,

Над неуютной своею временемкой.
Хмель на верёвке дополз до предела.
В круге времён прогибается ямка.
С плетью ко Льву приближается Дева.

Рак с Близнецами боялись огласки, —
Что, если ночь белый полог поднимет?..
Сад по ночам приглушал свои краски,
Но не гасил их, а думал над ними.

Лев же и Дева, навывлет прошиты
Точными выстрелами звездопада,
Внятно читают земле «Берешит», и
Тягостного не скрывают разлада.

Так в Колизее у звезд, где заметность —
Заповедь, догма и четья-минья,
С Крестовоздвиженьем ветхозаветность
Сходятся, листья воспламеняя,

И не нуждаясь притом ни в напалме,
Ни в керосине, ни в Зевсовом громе...
Но очевидное вечно в опале,
Точно, как Золушка в собственном доме.

В нашей ли власти её новоселье?
Можно ль судьбу, как крапиву, ошпарить?
Ну, так зачем выхолаживать сени,
Нищим фонариком по небу шарить?

1999

* * *

Я словеса плела, я их вязала,
Как на коклюшках бабка в захолустье.
А что, когда я всё уже сказала,
И облака закупили устья?

А, может, я давно уже не в деле,
И на пиру мне не осталось доли,
И заперли меня в земном уделе,
И прекратятся телеграммы с воли?

Я пела словеса, я их читала,
Как на котурнах некая Алкеста,
Но, нализавшись мёрзлого металла,
На время онемела — и на место.

Драконшей перекинулась Каяла,
Кайло перековалось на орало, —
Куда исчезло всё, на чём стояла,
И что само собой вокруг сияло?

Летя сквозь ночь в тоске неусладимой,
Стремясь неведомо куда над бездной —
Мне ведь и правда нечего, родимый,
Мне нечего сказать тебе, болезный.

сентябрь 2001

Европейский триптих

1. Европейский пейзаж с картиной Эль Греко «Пётр и Павел»

Здесь деревья смотрят мимо — и в никуда,
Небеса возвели глаза — и что им земля?
Пётр на картине отвёл глаза.

Я думала — от стыда,
Но и Павел смотрит в сторону. Два руля,

Два столпа, два борта у этого судна,
оно плывёт
Через все океаны, но здесь, где я и пишу,
Даже Спас на картинах глядит не прямо вперёд,
А куда-то вбок, чего я не выношу.

Что за странное место Европа, какая-то дичь и глушь,
Впрочем, я понимаю, — она не смотрит в глаза,
Чтобы удостоверять неприкосновенность душ,
Чтобы вовремя, до столкновенья, нажали на тормоза.

Даже Павел и Пётр деликатничают: дескать, мы постоим.
Кардиналы расшаркиваются: пожалуйста, после вас!
А ведь самый последний мытарь требователен к своим
Даже внебрачным детям! А тут — я, право же, пас.

Вежливость паче нахрапа, паче вхожденья в раж.
Принято говорить о погоде, а «како веруеши» не в чести,
Потому что погода не бросается на бордаж,
А от «како веруеши» вручную не отгрести.

Ноют каждую веткой
Вырубленные боры.
Скованные подсветкой,
В муке стоят соборы.

Замки, ротонды, шлюзы —
Все во мгле одномастно.
Проститутки и музы —
Все это только маски

Спящей под мрачным гнётом,
Что зарёй оторочен,
Мать-и-мачехи готам,
Кельтам, славянам, прочим.

Ибо иных — чуралась,
Некоторых — любила...
Что-то, что начиналось, —
И во тьму отступило.

Что-то из преисподней
Тлеет огнём свекольным,
Прорастает в сегодня
Перевернутым корнем:

Слепо и вверх корнями —
Кровными, речевыми...
Копятся за холмами
Чёрные кучевые —

Кладези льда и града,
Как сказали бы скальды...
Но на замке заграда.
Облокотясь о скалы,

Провисают долины,
Коиими, в мгле беззвездной,
С головой лошадиной
Шествует неизвестный

Жану Кокто навстречу...
Всякий свет — под сукно
Ночь, как хозяйка, прячет.
Только одно окно —

Спят городов мальстремы
И магистралей стрелы! —
Светится на просторах
Конеглавого тела:

Кто-то, неприкасаем,
Глаз распахнул совиный...
Или — окно Кассандры?
Или — окно сивиллы?

Или, женою Лота,
Кто-то глядит обратно?..
Спят в бельгийских болотах
Прямо в доспехах ратных

Утраченные саги —
Но не шуршит песок, и
Никакие бродяги
Не ломаются сквозь осоки,

Ибо ещё далёко
До возвращенья света —
Ждать ли его с Востока,
Или из книг завета?

В луврах и эрмитажах
Мумии, прячась в кокон,
Чутко лежат на страже
У непогасших окон.

Пустошь — на месте тинга,
Отмель — на месте рынка...
Что ж это, Диотима,
Свет твой горит, не дрогнет?

Видимо, о Европа, мы вхожи в твои пиры, —
Нам с отхлынувшего моря лужица натекла.

По песку отлива авось доберёмся в заветный бург,
Что манил из волн, —

на упряжке из двух коней!

Но колёса вязнут, и кто-то с причала бурк —
Никуда не следует ехать, и это всего верней.

Промаршируют роты. Танки пройдут, рыча.
Баски, вожди ислама, бойцы сумо...
И тогда, волной прилива в цвет кирпича,
Истинное продолжение настигнет нас всех само.

август 2000

Из книги
«ЗАРЯ АПОКАЛИПСИСА»

* * *

Горит война багрянцем, и,
Согнувшись под мешком,
Христос идет с албанцами
Из Косово пешком.

Дождь зарядил навечно, и
Грудных нести невмочь.
С ручьями человечьими
Христос уходит прочь.

На небе гаснут полосы
Невиданной зари,
А вслед Ему, без голоса,
Глядят монастыри.

А в них — Его обручники
(Кто зрячий, кто — слепой...),
А у порогов — мученики
Незримою толпой.

Век сделался безвременным,
Дом превратился в хлам.
О, горе нам, беременным,
Кормящим грудью, нам!

Оцепенело Косово.
Святыни в столбняке.
Мы — мусор, мы — отбросы, и,
Не узанный никем

(Ночь, и ни зги не брезжится,
И долго до Суда...),
Христос уходит беженцем
Неведомо куда.

май — июнь 1999

Конец эпохи

Апокалипсис происходил
на глазах у всех —
бегство было зимою, в субботу,
правда, в нехристианском краю,
но от этого было не меньше горя беременным
и кормящим грудью,
и такая была скорбь,
какой от начала мира ещё не бывало.
В русских церквях об апокалипсисе не поминали,
а повторяли то, что и всегда повторяют,
Запад вычитывал у Нострадамуса сроки
и за этим занятием поглядывал CNN,
где апокалипсис осветили во всех деталях.
Только несколько христиан,
замученных до смерти и не до смерти в том краю
в специальных горных мучилищах,
кое о чем догадались.
Но кормящие грудью
не поняли ничего вообще:
им было жалко своих детишек,
жалко было их отмороженных ручек и ножек,
а про Апокалипсис,
тёмные бабы,
они и слыживать не слыхали.

1999

Покаяние

*Уж ты Раю мой, Раю пресветлый,
Ты почто еси мне заповедан?
И куда ты от меня затворился,
Невидимой схимой покрылся?
Али мною ты, Раю, погублен?
Али в горняя, Раю, восхищен
И цветёшь в небеси на воздушех,
А сыру землю сиру покинул?*

Вячеслав Иванов,
«Светомир Царевич»

*Се что добро, или что красно, но
еже жити братии вкупе? Яко миро
на главе, сходящее на браду, на
браду Аарону...*

Псалом 132:1–2

В рёбрах неба над округою
Солнце — высохшею ранкою.
Я была плохой подругою
И отнюдь не христианкою,

А неведомой зверушкою,
Заблудившейся на пастбище...
Лишней — за любой пирушкою,
В деле, в стойбище, на кладбище.

Жизнь моя была — скольжением
Между Пудожем и Будогошью,
Непрерывным отторжением,
Отречением от будущего.

Рву рубаху — это русское,
Это я всегда пожалуйста.
Нужно же расширить узкое
Для волны любви и жалости,

Чтобы прошлое, отзмеиваясь,
Сгнуло в свои зияния...
Что ж стоите вы, посмеиваясь
На моё на покаяние?

Что ж расходитесь, болезные,
Странно на меня поглядывая?
...В масле я точила лезвия,
С чукчею играла в нарды я, —

И сижу, как вран на нырище,
Как чудовище на лежбище,
И прикидываю — в будущем
Есть ли для меня убежище?

Даль сосновая, тополия, —
Даст ли мне она пристанище?
Ей навстречу — в чисто поле я,
А во поле — истуканище,

А к нему дороги устланы
Рушниками наикращими...
Что ж ты, идолище гнусное,
Так значительно тарачишься?

Я водою окачу его,
Подожгу — и не поморщится.
Или власть свою почуяло,
Что так пыжится, топорщится?

Над бесплодную равниною
Свищет ветер, тучи рыскают.
Как согреться под рваниною?
Рвать рубаху — это русское,

Но зато потом и холодно!
А тулуп надеть — унизиться...
Крадучись минуя идола,
А опушка всё не близится,

Всё облезлою горжеткою
Горло горизонту кутает...
Как укрыться от прожекторов
И от поднебесных скутеров?

Как не оступиться в рытвину,
Чтобы песня блудной дочери
Не окончилась, оборвана,
Многозначным многоточием?..

Солнце к ночи увлажняется,
Наливается сукровицей.
Братья в нарды упражняются,
Полулёжа под смоковницей, —

Где-то там, в раю вневременном,
Внеимённом, внепространственном,
Вечной ласкою беременном,
Вечной мудростью обласканном...

Я бы к братьям, под смоковницу,
Будь я не должника внешнего —
Поимённого, посконного,
Трижды клятого, кромешного:

Пудож, Будогощь — забудешь, что
Доброго, в раю осваиваясь,
Где ни прошлого, ни будущего, —
Про названья, что, отстаиваясь,

Симулируют бессмертие...
Но от Будогощи к Пудожу
Столько свищет несусветия,
Что, наверно, я не выдержу:

Сяду, как стояла, в месиво
И взмолюсь в великой немощи:
Я сдаюсь, прощусь со спесью я,
Из скорлупки меня вылущи,

Раю, посвети мне в темени,
Вертолёт за мною вышли ты, —
Край без дали и без времени,
Где, за пазухой Всевышнего,

Нет ни горести, ни болести, —
Только тихое веселие,
Рвать рубаху нету надобности,
Как и плакать от бессилия,

Предки нянчатся с потомками,
Куст горит средь поля ровного,
И елей течёт потоками
На браду на Ааронову...

1984–1998

* * *

В.

Ты — мужество, ты — юность, ты — любовь,
И мы сошлись до сотворенья мира;
Вот почему спокойна наша кровь
И не вступают в спор псалтирь и лира.

Необходимо многое свершить, —
Не время рассыпаться мелким бесом.
Нам некогда кроить, нам надо шить.
Нам некогда сужать круги над лесом.

Из батискафа инобытия
Мы смотрим на подводные течения.
Мы нераздельно слиты, ты и я.
Наш общий воздух — мироотречение.

Мы сами — те заветные слова,
Которыми должны ответить Богу...

*

И нам ни рыба-лампа, ни сова
Не вправе ночью указать дорогу.

1984–2000

* * *

На путях земного круга,
Где пургой метёт тревога,
Мы хранимся друг у друга
И за пазухой у Бога.

Добрый меч хранится в ножнах,
В нотах — «Выхожу один я...»,
Память — в кладезях подкожных,
Клады — в полостях подземных.

Лестно сохраниться в славе,
Сладко — сохраниться в деле,
Словно льдине в ледоставе,
Словно волосу в кудели,

Выдравшись из террикона
Пузырящегося вздора...
Я хранюсь в ноздрях дракона,
В недрах своего позора,

Далеко, за Сортавалой,
В ледяном гробу, в ущелье...
Но, когда аортой алой
Запад бьётся учащённо,

И, шурша, уходят льдины
В эту Вечность, в эту алость,
Что сплавляет воедино
Грех и милость, страх и жалость, —

Вылупляется во всхлипе
Прятавшееся веселье,
И хранившееся в склепе
Песнь заводит о спасенье.

Птичий пепел в том напеве,
Ни за что нельзя ручаться...
Но и то: не век же деве
На семи цепях качаться!

Но и то: не век же миру
Путь нащупывать вслепую,
А проезжему кумиру
Денежки швырять в толпу, и —

— зло хранится у Пандоры,
смерть — в яйце, в зимовьях рачьих...

*

— Грязью брызгать на подола
И расшвыривать незрячих.

февраль 2002

**Размышления
по поводу опасной болезни**

Небо вдали фиолетово.
О милосердный Боже,
Не было ещё этого,
Того, и этого тоже!

И тюрьмы, и погоста, да,
Тоже. Но плачу снова:
Как же уйти, о Господи?
Я ещё не готова.

Я созвездий не выучила,
Не видела океана.
Я никого не выручила,
Не вывела из тумана.

Не отдала награбленного,
Не поднималась в вере
Выше гроба повапленного.
Даже и в малой мере

Не укрепила логова
От чудовья лесного.
И — ещё очень многого
Не уложила в слово.

Ни того, чем порезалась,
Ни — что всласть занимало,
Ни того, что пригрезилось...
А удалось — так мало!

Но под лиловым — рыжее:
Золото отгорело.
Господи, знаю, слышала:
Если завечерело —

Надо грехи замаливать,
С блудным мириться братом...
Но как же рук не заламывать
В страхе перед закатом?

Скрыть луну под одеждою,
Чтобы уже ни зги?
Как расстаться с надеждою?
Господи, помоги!

...И ровный мне голос чудится,
Который — и смысл, и суть:
Это и это — сбудется,
А это — не обессудь.

1997–1998

* * *

*Отпусти меня на волю —
Я травы не потопчу!
...След горит во чистом поле
вслед закатному лучу.*

Я, «Рафли», 1984

Всё проходит слишком скоро.
Царь стоит позадь забора,
Голова его до звёзд.

Мы напрасно прячем шило:
Всё судьба давно решила
И подшила делу в хвост.

Шутки, шпильки, оговорки —
Всё несётся словно с горки,
Только не в тартарары,

А, скорее, в ухо бездны.
Оправдания бесполезны —
Это правила игры.

Снег скрипит, как половица,
В печке преет чечевица,
Зверь почти настиг ловца, —

И катится вспять волнами
Всуе сболнутое нами
Ради красного словца.

Челядь в поезде томится.
Царь с девицами кумится.
А не чаяли, поди!

Гром гремит, земля дымится.
Слишком быстро всё стремится
К некой точке впереди.

Всё проходит слишком скоро!
В спину дышит пёсья свора,
Подо льдом горит трава.

Всюду уши, всюду очи.
Я шепчу в тростинку ночи
Заповедные слова, —

Шлю гонцов себе навстречу,
Пред собой дорогу мечу,
Стрелы с вервию мечу, —

Вслед за поездом царёвым,
В ночь с лазоревым поддёвом —
Вслед закатному лучу.

2001

* * *

О изобилие Господне,
Питающее Шехину!
Вдохнувши воздух преисподней,
Мы выдыхаем тишину.

Танжерских антилоп настенных
Недвижный бег неуследим.
На смыслах, как на скирдах сена,
Мы пригорюнившись сидим.

Сыта и брага, вина Каны
Вотще стекают по усам.
Единороги и полканы
Без дела бродят по лесам.

В часовне служат панихиду,
В чащобе брезжит бересклет.
Вдыхая древнюю обиду,
Мы выдыхаем тихий свет.

И нету тишине границы,
Вершины нет её горе,
И жадно из её криницы
Пьют водопады на заре.

март 2000

* * *

Наш мир — что-то вроде волока,
Окутанного дымами.
О чем возвещает облако,
Плывущее над домами?

О чем — прелюдий, фуг и токкат
Свободный полет в нигде?
О том ли, куда нам челны толкать,
Чтоб выйти к большой воде?...

май 2002

В сторону Токсово

На утюгах облаков,
На кораблях облаков
Вплыв, обретает день
Место среди веков.

Нет, не память в веках,
А только место в веках,
И засыпает, как
Синица, у них в руках.

Но, бодрствуя, в дни веков,
За грань, примет лишена,
На плотах облаков
Странствует тишина.

Разом объемлет взор
С неба — её улов:
Это — Арзрум озёр,
Это — Халаф холмов:

Она, как Ашик-Кериб,
Даль эвксинских вуокс
Пронизывает на сгиб,
Пробует на зубок, — с

тем, что Токсово есть Восток
Запада, словоер
Ингерманландских строк,
Тыл предзакатных шхер,

Гул заросийских строф,
Облачный архитрав
На вертелах травы,
На рычагах ветров, —

И челны рыбаков
Утлые — вдалеке,
И тонкая нить — в руке
У каждого из облаков —

Как куклу, свою же тень
Влача за собой, они
Прозревают прадревний день
И прабудущие дни,

Безмолвия их полны
И немые их полнотой, —
А между времён — челны
Свой невод влачат пустой,

А в нем — ни манны с небес,
Ни рыбы озёрной, — как
будто не между бездн
Плывут, а между зеркал.

Ужель обнажилось дно
Времён, водоёмы слов?
Ловцы в волнении, но
Они и сами — улов

В слепых сетях тишины, —
И с берега чей-то взгляд
Вытягивает челны
Строка за строкой назад,

Поскольку в струенье лет
И в коловороте вод
Дна — нету, не двинешь вброд,
Исчерпанности — нет,

И если, думой объят,
Ты странным волнением полн,
Уж верно — твои стоят
Ноги на кромке волн

Пустынных, открыт зазор
Меж «было», «есть» и «всегда»,
Чтоб свайные средь озёр
Выстраивать города,

И пламя ловить с челнов
И прятать в шар вощаной...
Ибо ещё ничего
Толком не воплощено,

И новые небеса
Теснятся воды испить,
И флот круглит паруса,
Ища себе устья — вплыть

Зазором разжатых век —
В простор пустынных заток,
И там обрести навек
Место себе меж строк,

Ибо пока — ничей
Мир, что скользит в зазор
На веерах лучей,
На разрывах озёр,

Ветру наперерез,
В окоём голубой, —
И флюгера небес
Вертятся вразнобой.

*Токсово—Регенсбург,
август — октябрь 1999*

* * *

Подстриг мне крылья брадобрей Оккам:
Я не летаю — я пишу по нотам.
Но я причастна этим облакам,
Их войлочным сваявшимся длиннотам..

Не ими ль клавиши приглушены,
Не ими ли плачу свои долги я?
Я вхожу в дома этой тишины.
Сюда меня призвали всеблагие.

В чертогах этих — все, что быть могло,
И будет... Но, списав мой труд как шалость,
Железо мира мной пренебрегло.

*

Зато бумага мной не погнушалась.

февраль 2000

* * *

Тишина. Со скрещёнными руками
Закрываю веки небосводу.
Неурочный сон падает, как камень,
Чёрный камень в жёлтую воду.

Натеканье в колодец — яда.
Станет бурой вода — из жёлтой.
Жизнь срывается в гулкую яму
Каплей тёплой и тяжёлой.

Высыпается мерой хлеба...
Просыпается: вот и вечер.
Золотеет пустое небо,
И безмолвно чернеют вещи.

В страхе вскидываюсь спросонок:
Ты ко всеобщей не поспела,
О душа, — ты проспала солнце,
«Свете тихий» ему не спела!

Как оно было близко, низко —
Подошло и стояло рядом!
Ты его багровому диску
Не ответила встречным взглядом.

Облака прошли и уплыли,
Отгорели, отполыхали.
Покрываясь слоями пыли,
Проговариваясь стихами,

вещи зарево погасили,
затворили в себе окошки.
Если небо явилось в силе, —
Что ему до твоей оплошки,

Кто ты — бездне огня и гнева,
Что, отпиршествовав, погасла?
Ах, душа, немудрая дева,
У тебя не хватило масла!

О, моря, о, пески досады.
О, свобода на все четыре.
Закрываю со стуком ставни,
По стемневшей брожу квартире.

Что тебе, душа, остаётся?
Ты рукой пустоту схватила.
Чёрный камень на дне колодца
Перевешивает светила.

О, бессмысленность, о, бескостность.
Не коснётся бы — а по следам бы!

*

Ночь накатывает на космос,
Подминая дома и дамбы.

1982–1998

Из книги
«ПЕРЕВОДЯ ТОЛКИНА»

* * *

Зима. Мочёная брусника.
Звезды злачёная ресница
На мокрой слякоти брусчатки.
Мы — выправляли опечатки.

Лед грохотал в ту зиму в трубах.
И мы, пригубив пряный кубок,
Вдоль Крюкова в ночи бродили
И Толкина переводили.

Чтоб рукопись поспела в сроки,
Ты — в буром аглицком шлафроке,
Я — в плед укутавшись с ногами, —
Кромсали текст, как оригами,

Среди промозглой, ноздреватой
Зимы, заткнувшей уши ватой, —
И чай друг другу доливали,
И Чёрный Кряж одолевали.

Пятная рукопись вареньем,
Мы ни полетом, ни пареньем
Пустых небес не поощряли —
И правкой тексты испещряли,

На большее не посягая
И постепенно постигая,
Что та зима без нас решалась,
Что с текстом жизнь перемешалась,

Как снег со слякотью дорожной;
Что на пути, во мгле творожной,
Гора Судьбы разверзла жерло, —
И пролились незримой жертвой,

Как в ящике стола — чернила,
Стихи, что я не сочинила;
Я их восстановить не чаю —
И той звезде препоручаю.

1989–1999

* * *

*Heart shall be bolder, harder be purpose,
More proud the spirit, as our power lessens...*

J. R. R. Tolkien,
«The Homecoming of Beorhnoth»

*Тьма! Везде — тьма, и рок настиг нас!
...Но что там? Пламя
горит в камине, и свет в окнах;
сходятся люди из тьмы туманов,
из мрака ночи, где ждет гибель...
Воля, будь строже, знамя, рей выше,
Сердце, мужайся, — пусть сил все меньше...*

Дж. Р. Р. Толкин,
«Возвращение Беорнота»

Когда мы вылупились в зиму,
Вокруг стояло мирозданье.
Вослед зашторенному «ЗИЛу»
Неслось метельное зиянье.

И бес верстою наряжался,
И бдил, стоокий и столичный,
И Толкином распоряжался
Гребенщиков единолично.

Такой далекой чистоты
С тех пор у ночи не бывало,
С тех пор на небе не стояло
Такой звезды,

Такой готовности к страданию...
И, словно к тайному заданию,

Мы примерялись к мирозданию,
Исследуя его зады.

О том — до пятак на веки...
Во *тьму туманов* — как влюблённость...
Печально знать свою вовеки
Невовлечённость, отделённость,

Не разбираться в горьких водках,
Не откровенничать вполпьяна,
Грустить в пиру, скучать на сходках
И жить у кромки океана,

Но пусть весь мир зайдется в раже, —
Стой, сердце, строже, стой на страже.
Что было в той поре былого,
Мы примем в слово,

Не дети — а мужи и жёны...
И на заре, прихлынув, волны
Вернут нам это слово вольным,
Преображённым.

24 октября 2001

* * *

Я думаю, день, ты минул,
Успев осиять на миг
Любимых, что править миром
Могли бы, когда бы мир,

Устав, не спешил с развязкой,
Чтоб засветло кончить бал,
И лаской, а то и таской
Гостей за порог не гнал.

Закат! Возглашай, итожа.
Ты жарок, торжествен, ал.
В той книге о кольцах — тоже
Закатом прожжён финал.

Сгорает великолепье,
Глася: продолженья нет, —
И падает на колени
Зелёный закатный свет.

А эльфы поют, как пели,
В хоромах за краем дня,
За Финской стеклом купели, —
И льют канитель огня

Сквозь тучи, в багряный полог,
Провисший в расплав руды...
И, кажется, виден волок,
И днища на нем следы, —

Кто в золото океана
Надмирного, кто проник?
А дальше — разрез, как рана,
Расширившийся на миг,

И жидкие волны злата, —
Но солнце ушло за край.
Персона, как мы, нон грата, —
Кто, смертный, допущен в рай?

О чём нам его окликнуть?
В молчанье уходит след,
Чтоб выветриться, изникнуть,
Поскольку дороги нет, —

И мы, опоздав к прощанью,
Берёмся за новый труд
В темнеющем полушарье,
За гребнем беззубых труб —

Чтоб голос звучал за кадром,
Как лица свернутся в жгут:
За труд толмачей заката
На сумерки, что придут.

1985

ПРИМЕЧАНИЯ

«Я — слово (с маленькой буквы), пылающее в Бытии...»

Благообразный Иосиф — Иосиф Аримафейский.

Харран Месопотамский — первая остановка Авраама после ухода из Вавилона.

За двойником Прекрасного — речь об Иосифе Прекрасном.

«Допрашивая ветку Палестины...»

метод углеродный — метод определения возраста предметов по «возрасту» подмешанных в них изотопов углерода. Долго считался безошибочным, поскольку эти изотопы полураспадаются всегда с одной и той же скоростью. Благодаря применению этого метода к кусочкам, отрезанным от Туринской Плащаницы, решили было, что Плащаницу изготовили в Средние Века. Однако вскоре эти результаты были опровергнуты.

«Задуманный как кустодия...»

кустодия — печать (церковнославянский).

«Закрой Послание к Галатам»

Также см. Гал. 5:13–15.

Духов день

Духов день — второй день после православного праздника Троицы, или Пятидесятницы, — дня сошествия на апостолов Святого Духа в виде языков пламени. В течение пятидесяти дней от Пасхи до Троицы (точнее, до Вознесения, которое празднуется за несколько дней до Троицы) не принято становиться на колени во время молитвы, — в эти дни воскресший Христос среди людей как брат и друг. Начиная с Вознесения коленопреклонённые молитвы возвращаются в церковный обиход, а на Троицу после литургии во всех церквях совершается общая коленопреклонённая молитва: тайна Троицы и Сошествия Святого Духа так велика и грозна, что перед ней никак нельзя не встать на колени, так обычно толкуют этот обычай.

Бюллетень

when fairies still inhabited the world... — «Когда эльфы ещё обитали в нашем мире» (англ.).

Странник-2

Хайре — приветствие, дословно «радуйся» (греч.). Это слово очень любил Григорий Сковорода.

«О Питер в портах...»

Диотима — древнегреческая пророчица. Так называли на Башне у Вячеслава Иванова Лидию Зиновьеву-Аннибал. И багряный хитон — оттуда.

«Я пришла из небытия...»

«Ave Signor!» — вступление к арии Мефистофеля из оперы Бойто.

Праздник Александра Невского

Праздник Александра Невского празднуется дважды в году. Здесь речь, как ясно из текста, о зимнем празднике.

Пять Храмов

Речь о пяти петербургских храмах: о соборе Николы Морского (Никольском), Владимирском соборе, церкви Смоленской Божией Матери, Воскресенском соборе у Смоленского кладбища и церкви св. Димитрия Солунского в Коломягах.

Фомина неделя — первое воскресенье после Пасхи, когда поминается апостол Фома. Бывает, Фоминой называют и всю неделю, следующую за Пасхой («Светлую»), хотя это и не совсем корректно. В эти дни священники носят алое облачение. *Крестопоклонное воскресенье* бывает один раз в году.

Дом Торгома

Торгом — иначе Фогарма — в Библии внук Ноева сына Иафета. Считается прародителем армян, поэтому Армения в летописях называется «дом Торгома».

Армения

Хайаса и *Аззи* — древнейшие праармянские государства. От «Хайаса» происходит самоназвание армян — «хайи».

Азаран-Блбул — фантастическая птица армянского фольклора. Я просто пересказала сказку.

«Армения глядит из глубины...»

...вступать в союзы наций не по Богу... — Армянская церковь, как известно, существует вне зависимости от православной и католической церквей, причём обособилась уже очень давно.

Зачем чужой акрополь воздвигать на очарованной горе Гехарда?.. — На горе Гехард невдалеке от Еревана стоит небольшой акрополь — древний языческий храм.

Нерсес Великий — первый армянский католикос, был отравлен царём Папом (374 г.).

растешется полма — церковнославянизм, означающий «будет разрублен пополам» (в литургическом контексте — «будет разделен на две части» — «спасённую» и «подлежащую сожжению, греховную»).

Агарцин

Агарцин — древний монастырь в Армении, в горах над Дилижаном.

Прощание с Грузией

Квеври — большие кувшины для вина.

Хахульская икона — знаменитая грузинская икона Богоматери, перегородчатая эмаль.

Голоса уничтоженных и убитых

Вечная ваша память, \ Приснопоминаемые отцы, братия и сестры наши... — Вольный пересказ припева великопостной панихиды.

Воспоминание об Алтае

Согласно пророчеству Рериха, на Алтае, в долине Катунь, должен когда-нибудь в светлом будущем возникнуть город Звенигород. С этим гипотетическим городом у рериханцев и антропософов связаны особые чаяния. Поэтому в конце семидесятых годов туда устремились добровольцы-интеллигенты, которые надеялись, создав на месте предполагаемого города творческую коммуны, положить первый камень в фундамент утопии. Всё это кончилось тем, что энтузиастов разогнали власти, совершенно справедливо заподозрившие в их деятельности идеологическую диверсию. Но кто-то несмотря ни на что зацепился в этих некогда старообрядческих краях и зажил там обычной тяжёлой сельской жизнью.

Бродит Борис Бугаев, может быть, Маргарита... — Ученица Штейнера Маргарита Сабашникова. А «Бориса Бугаева», который тоже ходил в учениках у Штейнера, можно, надеюсь, не комментировать.

Предкам

Голлум в Мёртвых Болотах тоже пытался, но, как мы знаем, ничего у него не вышло. — Отсылка к «Властелину Колец» Дж. Р. Р. Толкина. Ср.: «...На мгновение поверхность воды показалась Сэму чёрным окном в глубину. Он заглянул в это окно и... с криком вскочил на ноги.

— Под водой покойники! — в ужасе заорал он. — Там лица! Мёртвые лица!.. Но... от мёртвых остались бы одни кости. Не может того быть, чтобы мы видели их лица. Что же это такое? Наваждение?..

— Кто знает?.. — пожал плечами Голлум. — Их не достать, не потрогать, нет... Я когда-то попробовал. Но до них не дотянуться. Это, наверное, одна только видимость, больше ничего. Для глаз, не для рук. Их не потрогать... они мёртвые, мёртвые.

Сэм посмотрел на Голлума... с отвращением. Ему сдавалось, он догадывается, зачем Голлум пытался «потрогать мертвецов» («Властелин Колец», т. 2, ч. 4. гл. 2).

Царское Село (поэма)

Ахамот — у гностиков анти-София, демонический антипод Премудрости Божией.

Учителя и братья, думавшие за нас, час неровён — прославят еретиками вас. — Разрабатывавших тему Софии в русской философии и русском богословии В. Соловьёва (который начал эту тему в своих «Трёх встречах»), о. П. Флоренского и о. С. Булгакова многие консервативно настроенные богословы и церковные иерархи считали и считают еретиками. Впрочем, есть основания предполагать, что оппоненты русских софиологов просто не во всём разобрались. Вопрос и по сию пору остаётся открытым.

море Чермное — то есть, разумеется, если перевести с церковнославянского, Красное море, пропустившее некогда евреев и сомкнувшееся над головами их преследователей.

Рождество 1998

hommage — «дань уважения» (франц.).

Некоторые читатели в Интернете жаловались — непонятно, что такое «*пленница дровосека \ на дне центрального стадиона*»? На всякий случай объясняю — это ёлка в Лужниках.

Европейский триптих

Тлеет огнём свекольным... — «Бетховен» переводится с немецкого как «свекольная грядка».

С головой лошадиной \ Шествует неизвестный \ Жану Кокто навстречу... — образ из фильма Жана Кокто.

Стоводовские миры. Стовод — настоящая фамилия австрийского художника Хундертвассера, чеха по происхождению. Немецкое «Hundertwasser» — точная калька фамилии «Стовод».

«Чередом следуют метаморфозы...»

мезуза — коробочка со священными текстами, которую правоверный иудей прикрепляет у входа в своё жилище.

«*Берешит*» — первое слово Библии («В начале...») на иврите. Обычно так называют и всю Книгу Бытия.

Крестовоздвижение бывает 25 сентября.

«О изобилии Господне...»

Шехина в иудаизме — примерно то же, что «Слава Божия, явленная в мире» для христиан. Заранее прошу прощения, если кто-то сочтёт определение не вполне точным.

Полканы — древнерусское название кентавров.

«Зима. Мочёная брусника...»

Чёрный Кряж — географическая реалья из «Властелина Колец» Дж. Р. Р. Толкина.

Гора Судьбы — отсылаю читателя к «Властелину Колец», иначе пришлось бы пересказывать всю книгу.

«Я думаю, день, ты минул...»

Зелёный закатный свет. — Ср. у Дж. Р. Р. Толкина в эссе «О волшебных сказках»: «...Всякий, для кого фантастический инструмент человеческого языка — врождённое наследство, может составить словосочетание “зелёное солнце”. Многие могут и вообразить такое солнце... Но, чтобы сотворить... мир, внутри которого зелёное солнце имело бы оправдание... нужно обладать особым искусством, в некотором смысле эльфийским...»

СОДЕРЖАНИЕ

«Открыты ли двери в ризнице...»	3
«Я — слово (с маленькой буквы), пылающее в Бытии...»	4
«Допрашивая ветку Палестины...»	6

Из ранних стихов

«Я — очевидец своих восемнадцати лет...»	9
«Такому горю не помочь...»	10

Из цикла «Реквием по не то чтобы другу»

«Беспамятствует дождь...»	12
Баллада о Верхнем Свете	13
«Задуманный как кустодия...»	15
«Я знаю — позже, в зарослях столетий...»	16
«Открой Послание к Галатам...»	17

Из книги «Графика»

«Пантеон твой, город, — постыдно мёртв...»	18
Странник	19
Духов день (поэма)	20

Стихи из разных книг

«Ну что же, прощай, я тебя не неволю...»	35
--	----

Из книги «Лето отступничества»

«Сирень пресна. И дрёма борет...»	37
«Я не хочу дожидаться, покуда...»	39

Из книги «Муза плача»

Муза плача	40
«Со мною облака не говорят...»	41
Музе	42
«Куда мне деваться от русского слова “звезда”?...»	43
«Белым, что твой болид...»	44

Подражание	47
«Вся сгорбленная, старая, сырая...»	49
«Камень тоже может в глазах поплыть...»	50

Из книги «Подстрочники»

Бюллетень	51
Занятия музыкой	52
Странник-2	54

Петербургские стихи

Дом тишины	57
«О Питер в портах, перерытый до труб...»	59
«Приду, развею и зарю...»	61
Спас на Крови в Петербурге	63
«Я пришла из небытия...»	66
Праздник Александра Невского	68
Сад в Александро-Невской лавре по дороге в Петербургскую Духовную академию	70

Из книги «Подстрочники»

Пять храмов	73
«колыбель и могила моя, колыбель и мятель...»	75

Из цикла «Дом Торгома»

Армения	79
«Армения глядит из глубины...»	81
Агарцин	84
Прощание с Грузией	85
Голоса уничтоженных и убитых	88
Воспоминание об Алтае	91
Предкам	93
Царское Село. В поисках храма Софии (маленькая поэма) ..	95
«Три звезды мне на сочельник...»	100
«Давай, подруга, веселиться...»	101
«Закату, набрякшему ало...»	103
Рождество 1998	105
«Живем темно, и окуянно...»	108
«О, мокрое, сирое...»	109
«Путь в небеса не отягчен возвратом...»	111
«Опускаются руки. Приходят тучи...»	113

«Чередом следуют метаморфозы...»	114
«Я словеса плела, я их вязала...»	116
Европейский триптих	117

Из книги «Заря Апокалипсиса»

«Горит война багрянцем, и...»	123
Конец эпохи	125
Покаяние	126
«Ты — мужество, ты — юность, ты — любовь...»	130
«На путях земного круга...»	131
Размышления по поводу опасной болезни	133
«Всё проходит слишком скоро...»	135
«О изобилие Господне...»	137
«Наш мир — что-то вроде волока...»	138
В сторону Токсово	139
«Подстриг мне крылья брадобрей Оккам...»	142
«Тишина. Со скрещёнными руками...»	143

Из книги «Переводя Толкина»

«Зима. Мочёная брусника...»	145
«Когда мы вылупились в зиму...»	147
«Я думаю, день, ты минул...»	149

<i>Примечания</i>	151
-------------------------	-----

Мария Каменкович

ДОМ ТИШИНЫ

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Корректор *И. М. Пьянкова*

Оригинал-макет: *А. Б. Левкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

193019, СПб., пр. Обуховской обороны, 13.

Тел.: (812) 567-22-39, факс: (812) 567-22-53

E-mail: aletheia@rol.ru

Подписано в печать 20.02.2003. Формат 84×108¹/₃₂.

Усл.-печ. л. 8,4. Тираж 1000 экз.

Заказ № **56**

Printed in Russia

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЙЯ» В СЕРИИ

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

КОЛЛЕКЦИЯ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

выпустило в свет:

«И только без этого жить невозможно...»

Книга избранной лирики / Сост. и вступ. ст. И. Соловей

О ничтожестве литературы русской:

Сборник / Сост. и вступ. ст. С. Гайер

Смирнов Игорь, Григорьева Надежда (Германия)

Sensus Privatus

Коровкин Майкл (Италия)

Термины отчуждения

Левит-Броун Борис (Италия)

Лишний росток бытия

Левит-Броун Борис (Италия)

Строфы греховной лирики

Левит-Броун Борис (Италия)

Терзания и жалобы. Книга ранних стихов и поэм

Левит-Броун Борис (Италия)

«...Чего же боле?»

Майнаев Борис (Германия)

Тигр в стог сена

Малахова Мария (Франция)

Избранные стихотворения

Марковский Борис (Германия)

«Пока дышу — надеюсь...»

Мовчан Эльвира (Греция)

Благодарю вас, греки!

Нелюбина Татьяна (Германия)

Оракул в подоле

Сапгир Кира (Франция)

Дисси-Блюз

Сапгир Кира (Франция)

Оставь меня в покое...

Соловьев Владимир (США)

Роман с эпиграфами. Довлатов на автоответчике

Цыбенко Олег (Греция)

Сады Семирамиды

Готовятся к изданию:

Померанцев Кирилл (Франция)

Оправдание поражения

Сквирский Вениамин (Германия)

Он

«Мария Каменкович запомнилась многим прежде всего как переводчица прославленного Дж. Р. Р. Толкина. Однако более сильное — и глубинное — влияние оказал на нее другой англичанин: великий поэт-визионер Блейк... Обшая установка на субъективную точность "последних главных слов"... идет у поэтессы именно от него. А еще, конечно, от Виктора Сосноры... Мистический романтизм — такое определение лучше всего подошло бы к этим стихам... Субъективный мистический реализм, если уж придерживаться наукообразных формулировок... Конечно, это трудные стихи, причем не только для рядового читателя...»

Виктор ТОПОРОВ

«Петербургский книжный вестник». № 7(10)

«Мария Каменкович — поэт единственный... в современной русскоязычной поэзии. В эпоху тотального неверия ни во что..., она серьезна: она знает истину... Поэзия Марии Каменкович отлита из неподверженного коррозии сплава: исповедальной лирики и соборно-молитвенного предстояния Богу... Стихи эти нележки: они утомляют читателя важностью сказуемого. Нужно напрячь силы души, чтобы войти в эти двери».

А. ИКОННИКОВ-ГАЛИЦКИЙ

Поверх лабиринта // «Нева». № 7. 2002

